

- Роман Галкин -

Один из семи

Фантастика

18+

Роман Галкин

Один из семи

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Галкин Р.

Один из семи / Р. Галкин — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Вы знаете настоящую правду о том, кто и для чего на самом деле создал наш Мир? Нет? Тогда можете узнать об этом вместе с героем сего произведения.

Содержание

Один из семи	5
Пролог	6
Часть – 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Один из семи

Несколько слов в качестве предисловия о том, что подвигло меня к написанию этой книги. Читая о героях, неожиданно получивших сверх возможности, часто не верю в их стремительный прогресс. Одно дело, если это какой-либо уже выдающийся политик, ученый воин. Но ведь в большинстве случаев авторы наделяют сверх способностями человека, который до того момента был обычным представителем «серой массы», ничем не отличающимся от других, окружающих его простых людей. Вот, к примеру, получит сверх возможности простой крестьянин. И что? Он сразу кинется перестраивать мир и создавать империи? Нет, я в этом случае верю русским сказкам, в которых волшебная сила используется для того, чтобы ведра сами воду носили, топор сам рубил дрова, а печь сама кашу варила. Ну, что еще простому крестьянину надо? Ну, пусть в духе нового времени он построит просторный свинарник, заселит его элитными породами, а свиней у него доить будут звезды Голливуда или какие-нибудь Мисс Мира за последний десяток лет. Но это в том случае, если крестьянин захочет, чтобы соседи померли от зависти.

В общем, решил я наделить сверх способностями обычного шабашника-отделочника и посмотреть, что из этого получится.

Итак, вы знаете настоящую правду о том, кто и для чего на самом деле создал наш Мир? Нет? Тогда можете узнать об этом вместе с героем сего произведения.

Пролог

Последние тлеющие угли зашипели и погасли под струями начавшегося дождя. Посреди пепелища, не обращая внимания на льющуюся с небес воду, сидел старик. Его тело, вздувшееся волдырями ожогов, еле прикрывали обгоревшие лохмотья. Старик умирал. Заканчивался почти двухвековой жизненный путь.

Когда-то, осененный божьим вниманием, он ушел от мирской суеты. И шел, неся божий свет, озаряя им свой путь, творя чудеса и исцеляя людские души волею божьей. И придя в эти дикие места, где начинались бескрайние степи, увидел следующих за ним. И решил тогда воздвигнуть на этом месте братскую обитель.

Дни и ночи, забыв о сне и пище, воздвигали братья божий храм. И лишь подняв храм, построили подле него кельи. Но не воздвигли вокруг обители стен, ибо монастырь находился под божьим покровительством и не нуждался более ни в какой защите. Бесчисленные орды степняков, отправляясь в набеги на славянские поселения, всякий раз обходили монастырские земли стороной.

Так было без малого два века.

Давно уже ушли в иной мир пришедшие с ним, ушли и те, что были за ними, и следующие ушли. И он устал. Устала душа. Устало тело.

Усталость пригасила огонь, данный божьей милостью. И в новых братьях не было уже той истинной веры.

На этот раз степняки не прошли мимо. Не найдя ни в храме, ни в кельях ничего ценного, дикие воины долго пытали братьев огнем и железом, не веря в то, что в монастыре не спрятано ни золота, ни других сокровищ. Когда умер от пыток последний брат, степняки в злобе подожгли храм и окрестные монастырские постройки.

Не тронули только старого монаха, стоявшего на коленях посреди храма. Будто и не заметили. И будто не замечали его рушащиеся от пожара стены храма, не задевая, а лишь опалая огнем старческое тело.

Старик умирал. Душа покидала этот мир, это тело.

Некая иная сущность завладевала изношенной человеческой оболочкой, спеша использовать его последние возможности.

Монах, поднявшись, отправился разгрести пепелище, словно ища что-то. Наконец в его руках оказался бесформенный кусок металла, явно покореженный жарким огнем заступ. Вернувшись к тому месту, где просидел последние часы, опустился на колени и вонзил железяку в землю. Копал усердно, с неожиданной для старческого тела мощью. На глубине в полтора локтя заступ начал скрежетать о камень. Если бы не ливень, заливающий яму грязной водой, то можно было бы увидеть гранитную плиту, освобождаемую стараниями старика.

Закончился день. Давно прекратился дождь. Расступившиеся тучи позволили ночному светилу взглянуть на омытую дождем землю. От обожженной земли уже был освобожден изрядный кусок каменной плиты. Монах обнаружил щель в камне и ткнул в нее наиболее ровным краем железяки. Навалился всем телом. На лбу вздулись вены. Лицо, и так красное от ожогов, покраснело еще больше. И плита сдвинулась и продолжила отодвигаться дальше сама, без лишнего скрежета и скрипа, уходя куда-то под оставшийся от храма фундамент. Лишь журчала стекающая в проем дождевая вода, да шлепали отваливающиеся от плиты комки грязи. В открывшемся проеме лунный свет выхватил уходящие вниз ступени.

Старик, отбросив заступ, заспешил в подземелье. После продолжительного спуска миновал узкий каменный коридор и оказался в просторном зале. У противоположного конца помещения на металлических цепях висела столешница из полированного гранита. Подойдя к ней,

старик снял с шеи шнурок с крестом и опустил его на книгу, лежащую в центре столешницы. Рядом с крестом лег перстень. С одной стороны книги старик положил снятый с руки браслет, с другой – извлеченный из-под лохмотьев пояс с большой металлической бляхой, на которой был изображен крест. Крест был изображен и на браслете, и на перстне. Освободившись от этих вещей, монах направился к боковой стене зала, в которой чернели три проема, и, подходя к каждому поочередно, нажимал на выступающий из монолита квадратный кусок камня. Камень утопал в стене, и одновременно из стены выдвигались толстые металлические стержни, перегораживая проем. Таким же образом были перекрыты и проемы в противоположной стене.

Небо на востоке уже начало светлеть, когда за выбравшимся из подземелья стариком задвинулась плита. Он снова подобрал искореженный огнем инструмент, и на гранит полетели комья земли...

Часть – 1

Симбиоз

Боль. Голову разрывает изнутри на тысячи осколков, готовых разлететься мелкими брызгами.

Боль начала приходить на третьем десятке лет. Поначалу удавалось перетерпеть, не хотелось приучать организм к таблеткам. Потом начал принимать какие-то болеутоляющие, боль уходила в течение 10-20 минут после принятия лекарства. Однако со временем то ли организм перестал воспринимать, то ли лекарства стали сплошь подделкой. К сорока годам пришлось перепробовать кучу разных обезболивающих средств, но не было такого препарата, который бы помогал постоянно.

Боль приходила все чаще и в течение нескольких минут превращала здорового жизнерадостного мужика в безвольное существо...

Сегодня Боль пришла на рассвете, пришла не напористо, как обычно, а нудным давящим чувством, сопровождаемым тошнотой. Таблетки не помогают, и остается лишь лежать с закрытыми глазами, положив на лоб мокрый носовой платок, бесполезно пытаюсь заснуть. Вместо сна в голову лезут дурацкие мысли, мысли о том, что однажды организм не выдержит этой Боли... И что? Да наплевать! В такие моменты действительно наплевать на смерть. Чем так жить...

Боль нарастает. Терпеть становится невыносимо. Сжав голову руками, пытаюсь стоном выгнать Боль наружу. Сознание начинает меркнуть. И в этот момент происходит Вспышка! Боль мгновенно увеличивается в тысячи раз, разрывает ослепительным светом тьму, в которую уже погрузилось сознание... И уходит.

Я по-прежнему лежу, стиснув голову руками, ошеломленный, ослепленный, не понимающий того, что со мной произошло. Смерть? Может, поэтому стало так легко?

В конце концов, приходится открыть глаза и убедиться, что вокруг тот же мир, та же квартира и, что самое главное, то же тело, вмещающее в себя мое сознание. Наверное, я заснул, и эта дикая Вспышка приснилась, а Боль ушла во сне?

Но что за ощущение легкости?

Легкости не только в теле, но и в... разуме, да, именно в разуме.

И все вокруг хоть и то же, однако выглядит как-то необычно – резко и ярко.

Поднимаюсь, решив попить чаю, и отправляюсь на кухню, по пути замечая множество разных мелочей, на которые раньше никогда не обращал внимания, как то разошедшийся шов на обоях, пыль на плинтусах, царапины на линолеуме... И только когда уже, попивая чашек, смотрю на кухне телевизор, до меня вдруг доходит, что прекрасно вижу без очков! Это открытие настолько ошеломляет, что долго не могу в это поверить. Но факт остается фактом, и я теперь спокойно читаю газетный шрифт, прикрепленной булавками к обоям телепрограммы, с расстояния пяти метров, наверняка и больше, но размеры комнаты не позволяли этого проверить.

Мистика! Неужели в конце концов я проснусь?

Зрение было слабым с детства, но до недавнего времени держалось на одном уровне. Два года назад вдруг начал замечать, что вижу многие предметы как в тумане, практически перестал различать темные цвета, а в сумерках вообще не видел дальше метра. Врач после обследования в ближайшем офтальмологическом центре объяснил, что это что-то там с сетчаткой, что нужна дорогостоящая операция, которая, в случае неудачи, может привести к полной слепоте.

Или же нужно было каждые полгода ложиться под капельницу, что поможет хотя бы сохранять зрение на имеющемся уровне. Прошел почти год, и я все не мог решить: собирать деньги на операцию, или все же под капельницу...

И вот теперь смотрю на мир так, как будто вижу впервые. Да я и вижу его впервые, впервые вижу во всех подробностях, во всех красках.

Как необычно видеть из окна водителей и пассажиров в проезжающих по магистрали автомобилях, видеть людей в окнах дома напротив, видеть каждую травинку на газонах внизу... Стоп! Вон в траве суетятся маленькие рыжие муравьи! Разве с обычным нормальным зрением можно увидеть такое из окна десятого этажа?!...

Нет, так можно сойти с ума... Или уже сошел? Блин, надо с кем-то пообщаться. Володька самый адекватный из друзей, хорошо бы встретиться с ним.

Володька недавно приобрел частный дом в черте города и теперь все свободное время проводил там, погрузившись в капитальный ремонт. На мой звонок с предложением попить пивка он отреагировал положительно. И вот я уже стою перед воротами его будущего жилища, затаренный пивом и сопутствующими этому напитку закусками. Металлические створки ворот содрогаются под мощными ударами овчарочьих лап. Берта, учуяв чужого, предупреждает, что здесь ее территория и попытка вторжения может окончиться фатально.

– А ну геть на место! – раздается Вовкин голос, и слышится звон прицепляемой цепи.

Естественно, сперва мы осматриваем все, что Вовчик успел сделать, обсуждаем преимущество частного жилища перед многоэтажными «муравейниками». Потом, уже попивая пивко, рассказываем друг другу о последних новостях из собственной жизни, из жизни общих знакомых, ну, в общем, обычный треп редко встречающихся друзей.

Наконец я решаюсь на наводящие вопросы.

– Володь, у тебя зрение как, в порядке?

– Как у орла! А чего это ты интересуешься?

– Да понимаешь, – замялся я, – в общем, приобрел я себе какие-то новые контактные линзы. Ну, вот и хочу проверить не по врачебным таблицам, а в сравнении с нормальным зрячим человеком, так ли они хороши.

– Да не проблема. Давай проверим. А как?

– Хрен его знает. Давай книжку какую-нибудь поставим к стенке и посмотрим, кто с какого расстояния сможет прочесть.

– Ща что-нибудь найду, – Вовчик выходит в другую комнату. – Вот тут от прежних хозяев какая-то макулатура осталась. Эта подойдет?

Похоже, прежде в этом доме жил компьютерщик, ибо в руках у появившегося Вовчика толстенная книжка «Секреты BIOS».

– Подойдет, – киваю я. – Лишь бы буквы были. Ставь к той стене.

Володька пытается поставить книгу раскрытой, но она постоянно либо захлопывается, либо топорщится всеми листами. В конце концов, он соображает поставить ее вперед задней обложкой, там довольно мелкими буквами напечатана аннотация. Я со своего места прекрасно вижу не только текст аннотации, но и напечатанные в нижнем углу совсем мелкими буквами данные типографии: ее емейл, интернет адрес и телефоны.

– Вот, – выводит меня из задумчивости Володькин голос. – Отсюда вижу.

Он стоит на метр ближе от меня к книге. А значит моя догадка подтверждалась, я стал видеть лучше обычного человека... И мне еще предстояло выяснить насколько лучше и, самое главное, выяснить причину неожиданного «прозрения».

Решив пока ничего не рассказывать другу, встаю и, подойдя к нему, нарочито прищуриваюсь.

– Ну да, я тоже отсюда вижу, правда, с напрягом, – в подтверждение читаю пару строчек.

На этом тема себя исчерпывает, и мы возвращаемся к пиву и обсуждению столь любимой последнее время хозяином темы ремонта и строительных материалов. В процессе Володька пару раз гоняет в ближайший магазин, пополняя запасы пива, и как итог – я возвращаюсь домой довольно поздно и в изрядном подпитии. И по этой причине все думы о чудесном прозрении откладываются на завтра.

Но ночь преподносит новый сюрприз...

Ночью просыпаюсь от того, что ноют и чешутся десны.

Что за фигня? Может, зараза какая? Никогда такого не было.

Пришлось встать и тщательно прополоскать рот содой, разведенной в горячей воде. Я всегда так делал, когда болели зубы. К сорока годам у меня уже напрочь отсутствовали пять коренных зубов. Кроме того, два были спрятаны под коронки, и два наращены на корни. В общем-то, не такая уж и страшная картина. У некоторых моих сверстников своих зубов было меньше, чем у меня их отсутствовало. И вот теперь десны странно зудят именно в тех местах, где не хватает зубов. «Может, новые растут, – мелькает ироническая мысль, – было бы неплохо». О событиях предшествующего дня я не вспомнил, озабоченный неприятными ощущениями во рту. А то, может быть, мысль о новых зубах обрела бы более прочное основание.

Так и ворочаюсь с боку на бок почти до самого утра, надеясь, что утром все неприятные ощущения пройдут сами собой. Очень мне не хочется идти в поликлинику, не люблю я это дело с самого детства, впрочем, как, наверное, и многие. Зуд становится менее раздражительным только тогда, когда за окнами посветлело, и я наконец засыпаю.

Собственно, я уже особо и не удивляюсь, когда, проснувшись, нащупываю языком наполовину выросшие новые зубы. Просто ко мне, как-то само собой, приходит решение относиться к происходящему со мной спокойно, принимать как должное и не искать ответы на вопросы, которые выше моего понимания. Иначе можно просто съехать с катушек, если это еще не произошло...

В течение следующих трех дней я выходил из дома только один раз, чтобы пополнить запас продуктов. За это время у меня выпали и снова выросли все зубы. Ну и улыбка же у меня была, когда старых зубов уже не было, а новые вылезли наполовину, неравномерным строем, монстры из фильмов ужасов просто обзавидовались бы. Зато утром четвертого дня я улыбнулся в зеркало стопроцентной голливудской улыбкой.

Еще одним открытием стало то, что с моего тела исчезли все родинки. И вообще, кожа стала какая-то неестественно чистая, как будто ее обработали фотошопом, ни прыщика, ни шрамика.

Кроме внешних изменений, я также чувствовал и изменения внутренние, хотя описать их или объяснить не мог, но каждая клеточка моего тела буквально наполнилась здоровой энергией.

Единственное, что в этом процессе меня смущало – мое непонимание всего происходящего. Но, как уже говорил, я гнал из головы все возникающие по этому поводу вопросы, ибо был уверен, что все равно не смогу самостоятельно найти ответ. А чтобы проще было отвлечься, чередовал сон с чтением книг и Интернетом. К телефону не подходил, на звонки не отвечал. Да и, судя по высвечивающимся незнакомым номерам, звонки были только от клиентов.

Однако деньги все-таки зарабатывать надо, ибо мы пока еще не при коммунизме живем, да и вообще, уже лет двадцать как сменили курс на радикально противоположный и движемся теперь к развитому капитализму. А в капитализм без денег не пускают.

Было у меня свое «ИП» по отделке помещений различными современными отделочными материалами. Честно говоря, от обычного шабашника я отличался только тем, что платил налоги да заполнял в конце года декларацию о доходах.

Как только мои зубы восстановились настолько, что я мог спокойно улыбаться, не рискуя довести собеседника до инфаркта, принимаю по телефону заказ и с утра отправляюсь на замеры.

В пределах трех-четырех километров хожу пешком. Вот и в этот раз объект находился примерно на таком расстоянии. Проходя через соседний двор, замечаю парня, выгуливающего огромного стаффорда тигрового окраса. Еще до развода я много слышал об этой парочке от жены. Она, гуляя со своей таксой Гретой, всегда боялась их встретить. Хозяин стаффорда был вечно пьян, его псина не знала намордника и хоть к людям относилась равнодушно, зато погрызла почти всех мелких собачек из соседних дворов, пекинесов, пуделей, различных болонок и прочих. Говорят, был случай, когда хозяйка пекинеса, увидев этого зверя, сразу схватила своего питомца на руки, подняв его повыше, но стаффорд встал на задние лапы и вырвал собачонку из рук женщины. И сколько владельцы покусанных собак ни обращались к участковому, сколько ни писали заявления, толку никакого не было. Парень продолжал ежедневно появляться во дворе в компании своего четвероногого бандита.

И вот сейчас эта парочка остановилась на тротуаре, перегородив мне дорогу. Хозяин, пошатываясь, прикуривает, псина равнодушно смотрит по сторонам, развалившись поперек тротуара.

Я собак не то чтобы боюсь, просто всегда реально оцениваю расстановку сил и до сего дня, столкнувшись с такой ситуацией, наверняка сошел бы с тротуара и обошел зверя стороной. Но так я поступил бы раньше. А сейчас... Сейчас во мне как будто бы начал просыпаться какой-то зверь, и этот зверь оказался очень недоволен тем, что кто-то преграждает ему путь, и это недовольство отодвигает мой разум на задний план, выпустив наружу инстинкты. Я двигаюсь на собаку, которая уже не кажется грозной. Реальность вокруг замедляется. Стаффорд, медленно поворачивая голову, встречается с моим взглядом, и его глаза, до сих пор излучавшие равнодушие сильного зверя, не знающего поражений, вдруг наполняются страхом, самым настоящим животным страхом. Да что глаза, через мгновение все это жалкое существо уже наполнено ужасом, и этот ужас можно учуять за версту. А еще через мгновение некогда грозная псина с такой скоростью кидается освобождать мне дорогу, что сбивает с ног своего хозяина, волочит его за одетый на руку поводок пару метров по асфальту, попутно врезаясь в стоящую у тротуара «Шкоду», тут же разразившуюся воем сигнализации, и жалобно скулит. Скуля, подползает ко мне и переворачивается на спину, подставляя горло, тем самым демонстрируя признание моего превосходства и покорность любому моему решению, даже если я решу вонзить клыки в ее плоть и забрать жизнь наглого существа, посмевшего лечь на моей дороге.

Ярость исчезает. Зверь внутри меня погружается в дрему. Я прохожу мимо ничтожной псины и ее офигевшего хозяина. Осознание случившегося уже привычно не укладывается в моем понимании и так же привычно задвигается подальше, в самый темный уголок сознания.

Если о причинах произошедших со мной перемен размышлять было бесполезно, то о том, какие еще сверх способности я получил, как ими пользоваться, все ли они положительны и надолго ли они, призадуматься следовало. Размышляя об этом, приземляюсь на лавочку в ближайшем сквере. Поход к клиенту можно и отложить, потерпит. А нет, так и бог с ним, не до него теперь.

Итак. Что мы имеем?

Идеальное самочувствие и, как я подозреваю, идеальное здоровье вообще. Судя по обновившимся зубам, исчезнувшим старым шрамам, в том числе и от аппендицита, а также с невероятной быстротой зажившим многочисленным ссадинам на руках, которые я практически ежедневно получал на работе, мой организм приобрел невероятную способность к регенера-

ции. Насколько эта способность велика, проверять я не собираюсь, не калечить же себя специально.

Далее, зрение. Назвать его просто стопроцентным было бы более чем скромно. Кроме обнаружившихся в первый день телескопических возможностей, в последующие дни я убедился еще и в микроскопических, ибо с легкостью наблюдал за пылевыми клещами в поднятом комочке пыли. К тому же, перестраиваются глаза с близи на даль практически мгновенно.

Теперь о сегодняшнем. Что за зверь находится во мне, которого так панически испугался стаффорд-переросток? Как его контролировать, чтобы в следующий раз он не натворил бед? Хотя, судя по тому, как быстро он успокоился, без необходимости зверь себя не проявляет. Но все же...

Размышляя, снимаю бейсболку и подставляя макушку жарким солнечным лучам, впитывая их энергию, так приятно растекающуюся по моему телу, наполняющую его силой... Стоп! Я же никогда не любил жару! И всегда прикрывал голову от солнца. А сейчас сижу на самом солнцепеке, хоть и было не более десяти часов утра, но июльское солнце уже нещадно пекло, и мне это доставляет удовольствие. Ёп-перный театр, солнечная батарейка, мля... Еще парочка таких открытий произошедших со мной изменений, и можно будет прописываться в дурдоме. Хорошо, хоть внешне пока без особых изменений. По крайней мере, ни крыльев, ни рогов не выросло.

Последующие дни я удивлял своих рабочих, да и себя тоже, необычайным глазомером. Рабочих у меня было двое – молодые парни, полгода назад пришедшие из армии. Игорь – высокий, русоволосый, вечно улыбающийся. Он поработал со мной несколько месяцев в качестве подсобника еще до армии. Дембельнувшись, позвонил мне. Я как раз расстался с очередным «напарником», который, желая быть равноценным партнером, не хотел ни вкладывать средства в инструмент, ни искать клиентов. Поэтому с радостью снова взял Игоря на работу. Через какое-то время он привел своего друга Павла, с которым вместе служил. Павел был поменьше ростом, чем его друг, но зато обладал атлетически сложенной фигурой и недюжинной силой. Ребята были по-армейски дисциплинированные и исполнительные, вполне способные к самостоятельной работе, но пока еще теряющиеся перед возникающей иногда необходимостью принимать нестандартные решения. Возможно, в них крепко сидело армейское правило, гласящее, что излишняя инициатива наказуема. Но это и к лучшему.

Обычно при выставлении различных каркасов, я, не доверяя своему зрению, заставлял их тщательно, по много раз, проверять плоскости конструкции правилом, шнуром и уровнем. Но после вышеописанных событий я вдруг понял, что отныне мои глаза являются самым точным контрольно-измерительным инструментом.

Теперь я стоял посреди помещения как нивелир и только командовал, где ставить метки, выше или ниже приложить к стене профиль, подтянуть или опустить подвес. Первый день мы все же постоянно использовали для проверки правило, снабженное уровнем, но поняв, что только зря теряем время, отставили его в сторону. Чтобы ребята особо не заморачивались мыслями по этому поводу, я объяснил им все приобретением новых контактных линз за «бешеные» деньги. Еще не стал демонстрировать свои способности определять размеры без рулетки с точностью до миллиметра, хотя и сам проверил по-тихому.

Надо ли говорить, что процесс работы значительно ускорился и, соответственно, поднялся заработок. К тому же, ребята уже приобрели достаточные профессиональные навыки, и мое присутствие требовалось только в самом начале, для разметки и стартовых работ. Это в свою очередь позволило мне более тщательно подходить к выбору клиентов. Если раньше я не мог отвлечься в рабочее время, а после работы уставал настолько, что не имел ни малейшего

желания отправляться на встречу к новым клиентам, то сейчас свободно оставлял ребят одних, а сам ездил на встречи, выбирал лучшие объекты и более сговорчивых клиентов, просчитывал и завозил материалы. В итоге – к завершению

предыдущей работы нас уже ждала следующая.

Год пролетел как один миг. И в то же время прошедший год по количеству свершенных дел казался длиною в целую жизнь.

Благодаря своим новым способностям я стал практически неутомим, а потому развил такую бурную деятельность, что мое «частное предприятие» за несколько месяцев выросло в маленькую, но все более популярную в городе фирму.

Игорь с Павлом теперь руководят двумя бригадами квалифицированных отделочников, каждая из которых может «потянуть» довольно крупный объект. Перед Новым Годом подвернулся случай приобрести небольшой столярный цех в черте города. Моей давней мечтой было иметь мастерскую для изготовления эксклюзивной мебели из натурального дерева, поэтому, когда ко мне обратился один старый знакомый с предложением купить у него этот цех, я долго не раздумывал. Располагался цех в старинном здании, крыша и полы которого, как впоследствии оказалось, требовали капитального ремонта.

Все бывшие рабочие предприятия разбежались еще до моего приобретения оногo. Остался только пенсионер Василич, проживающий в частном доме по соседству. Он выполнял редкие заказы, а также сторожил мастерские за небольшую доплату. Иногда ему помогал его внук Артем. Артем прошлой весной окончил школу и, провалившись на вступительных экзаменах в какой-то ВУЗ, под руководством деда осваивал профессию столяра, заодно зарабатывая хоть какие-то деньги.

Набирать новых рабочих и «набивать» клиентуру я не собирался до тех пор, пока не будет сделан ремонт. Первым делом необходимо было менять кровлю, ибо потолок протекал во множестве мест. Потом на очереди были полы. Все остальное могло подождать до того момента, когда предприятие начнет давать прибыль.

Февраль неожиданно порадовал теплой, почти весенней погодой. Воспользовавшись этим, нанятая мной бригада плотников, в течение недели заменила старую кровлю. Кое-где пришлось поменять и подгнившие стропилины, но потолочные матицы, к счастью, оказались достаточно крепкими и не тронутыми ни гнилью, ни жучком. Наверное, кто-то в свое время на совесть обработал их качественным антисептиком. Хотя, по словам Василича, а ему уже перевалило на седьмой десяток, и весь свой трудовой стаж он выработал в этой столярке, на его памяти ни одного ремонта в мастерских не делалось, разве что иногда кусками латалась крыша, покрытая кровельным железом.

Полы решили ремонтировать своими силами. В основном цеху деревянные полы было решено заменить бетонными. В помещении, где стояли большой распиловочный и фрезерный станки, полы уже были бетонные, но тоже требовали ремонта из-за трещин и выбоин. В сборочном помещении, в бытовке и в различных подсобках и кладовках было решено заменить деревянный настил и покрыть сверху листами ДСП. В одной из подсобок я решил устроить личный кабинет. Для этого кроме двери, выходившей в сборочный цех, нужно было на месте одного из окон прорубить дверь во двор, чтобы клиентам не приходилось пробираться через всю мастерскую. Руководить этим процессом я поручил Василичу. В помощь ему были выделены по одному человеку из бригад Павла и Игоря.

За всеми этими событиями и связанными с ними заботами я постепенно перестал задумываться об изменениях, произошедших с моим организмом. К своим новым способностям привык и принимал их как должное. Собственно, пользовался-то я только двумя – необычайным зрением и способностью заряжаться энергией от солнечного света, подобно солнеч-

ной батарее, что делало меня практически неутомимым. Остальное себя никак не проявляло, может, не было случая, а может, и ушло безвозвратно.

В тот апрельский день солнце припекало почти по-летнему. Последние жалкие островки грязного снега остались только в тени, в тех местах, куда солнце почти не попадало, да и там они быстро таяли, оставляя после себя мутные лужи. Я буквально наслаждался солнцем. Хотелось снять с себя все, раскинуть в стороны руки и, подставив лицо солнечным лучам, всем телом впитывать энергию светила.

Но расслабляться не было времени. Сегодня ребята должны были начать заливку полов в основном цеху, после чего осталось бы сделать полы только в моем кабинете. Кабинетом я решил заняться в последнюю очередь, ибо особой нужды в нем пока не испытывал.

Когда появился в мастерских, там уже во всю кипела работа, скрипели и трещали отрываемые старые доски, и сквозь завесу поднятой пыли слышался недовольный голос Василича:

– Твою мать! Да здесь не меньше камаза грунта нужно подсыпать!

– Привет, мужики! – поздоровался я с ребятами и, обращаясь к Василичу, спросил: – Чего бухтишь с утра? Какие проблемы?

– Да сам смотри, – указал тот на сорванный участок пола. Лаги лежали на кирпичных столбиках. И хоть пространство под старым полом было засыпано шлаком, но все равно столбики возвышались над грунтом еще на двадцать сантиметров. О том, чтобы заливать такой слой бетоном не могло быть и речи. Значит, нужно было срочно организовывать доставку грунта для засыпки.

– В общем, так, Василич, не знаю, когда получится привезти грунт, но если я не успею, вскрывайте полы в кабинете и, если там тоже шлак, начинайте пока перебрасывать оттуда.

– Дык нафига ж оно надо, двойную-то работу делать! – искренне возмутился старик. – Сперва оттуда таскай, потом туда...

– А никто тебя лично таскать не заставляет, – парировал я. – Ты лицо руководящее. Твоя задача, чтобы вовремя и качественно. А кабинетом еще не скоро будем заниматься.

В этот день договориться о доставке грунта так и не удалось. Машина с песком должна была подъехать только завтра после обеда. Поэтому ближе к вечеру я снова заехал в мастерские, чтобы узнать, как там продвигаются дела. Во дворе появилась аккуратная стопка старых половых досок. В помещении все так же стояла столбом пыль и слышалось шуршание перебрасываемого шлака. Двое парней, присланных моими бригадами, таскали шлак в носилках и высыпали его в указанных Василичем местах. Затем Артем разравнивал его с помощью совковой лопаты и указаний деда. Судя по результатам, работа по отсыпке подходила к завершению.

– Это откуда ж столько шлака взяли? – удивился я.

– Дык из кабинета, как было приказано, – ответил Василич. – Там его бездонный колодец оказался. Иди сам глянь.

Лезть в эту пыль в чистой одежде не было никакого желания. Поэтому я отмахнулся от предложения Василича и, уточнив план мероприятий на завтра, покинул мастерские.

Следующие два дня не получилось заехать в мастерские. Появился я там только в воскресенье. В субботу был на дне рождения у Володи и в воскресное утро хоть и не испытывал особого бодуна, но все ж не было и желания заниматься какими-либо делами. До обеда провалялся на диване, листая каналы телевизора. Во время этого занятия мне вспомнились слова Василича о якобы «бездонном колодце» со шлаком. Через час любопытство взяло верх, и я отправился в мастерские.

Василича дома не оказалось. На стук вышел заспанный Артем – небось, проблудил где-нибудь всю ночь – и сообщил, что дед с утра уехал на рыбалку. Эх, когда-то и я любил посидеть

на берегу с удочкой, наблюдая за поплавком. Обязательно надо выбрать время для рыбалки, пообещал я себе и отправился в мастерские один.

Отдельная дверь в кабинет уже была сделана, но находилась почти на уровне метра над землей, ибо до крыльца дело еще не дошло. Поэтому я сразу направился к основному входу. Отперев дверь, почувствовал большую влажность. Свежеезалитые полы сохли, насыщая испаряемой влагой все помещение. Надо будет сказать Василичу, чтобы в понедельник все хорошенько проветрил.

Подойдя к дверям в кабинет, ощутил какую-то непонятную тревогу. Даже не тревогу, а какое-то непонятное и вместе с тем знакомое чувство. От неожиданности такого ощущения даже постоял с минуту, пытаясь сообразить, что это такое. Но так ничего и не поняв, списал на вчерашнюю пьянку и открыл дверь. М-да... Действительно колодец. Шлак был выбран метра на полтора. Из кирпичной кладки противоположной стены торчали сгнившие деревяшки, в которых угадывались остатки лестницы. Возможно, здесь когда-то был погреб. Интересно, на какую глубину опускается этот подвальныйчик? И не скрываются ли под слоем шлака какие-нибудь старинные вещи? Рядом с дверью в яму опущена приставная лестница, по которой спускались рабочие за шлаком. По ней я и спустился вниз, влекомый то ли азартом, то ли тем самым непонятным чувством, поселившимся во мне. Спустившись, увидел торцы старых досок, торчащих из шлака у той стены, к которой вели старые ступени. Взяв оставленную рабочими совковую лопату, начал отгребать шлак от досок. Когда доски освободились примерно на полметра, стало понятно, что это щит, закрывающий какой-то проем. Мое любопытство усилилось. Сам не знаю зачем, я стал стучать лопатой по этому щиту. Старая древесина не выдержала, послышался треск ломающихся досок, шлак подо мной хлынул в образовавшийся проем, увлекая меня с собой.

Зарождавшееся во мне чувство вмиг усиливается, ослепляет сознание яркой вспышкой... и просыпается Зверь. Тот самый Зверь, который появлялся почти год назад, нагнав тогда ужас на здорового пса. Осыпавшийся шлак увлекает меня метров на пять вниз. От пролома, в который я провалился, спускаются выглядывавшие из под шлака кирпичные ступени. Стены помещения, также выложенные из красного кирпича, переходят в арочные своды. Само помещение примерно пяти метров в длину и около трех ширины. Я, ведомый тем чувством, что родилось во мне, решительно направляюсь к противоположной стене.

Несмотря на то, что проникающий в пролом свет практически не попадает на эту стену, я отчетливо вижу то место, где кирпичная кладка отличается от остальной стены. Отсутствие перевязки между кирпичами выдает два вертикальных шва, прорисовывающих некогда заложенный дверной проем. Не останавливаясь, наношу в это место удар ногой. С десятка кирпичей вылетели, обнаружив за собой чернеющую пустоту. Еще несколько ударов, и я шагаю в следующее помещение, не отличающееся по размерам от предыдущего. Дверь в противоположной стене на этот раз не заложена, и, пройдя ее, я оказываюсь на небольшой площадке перед спускающимися куда-то вниз каменными ступенями. Ступени на этот раз именно каменные, точнее, гранитные, а не сложенные из кирпича. Из гранитных блоков сделаны и стены. Спускаюсь, минуя не менее ста ступенек. Затем следует узкий горизонтальный коридор, протяженностью около пятидесяти метров. И, наконец, вхожу в просторный подземный зал, размером метров пятьдесят в даль и двадцать в ширину. Арочный свод возвышается не менее чем на десять метров. В боковых стенах зияют черными провалами дверные проемы, закрытые металлическими решетками из толстых кованых прутьев, по три двери в каждой стене. Но то, куда ведут эти двери, меня не интересует. Ближе к противоположной стене с потолка свисают четыре металлические цепи, на которых на уровне метра от пола висит гранитная плита. Моей целью было то, что лежит на этой плите.

В центре плиты находится книга. Переплет сделан из толстой кожи, обрамленной по краям пластинами из светлого металла. Вопреки обычному представлению о старинных книгах, эта вовсе не велика. Ее размер не превышает размер обычного школьного учебника. На книге лежит шнурок с привязанным к нему маленьким амулетом. Амулет представляет из себя фигурку какого-то странного зверя: волчья голова, человеческий торс, нижняя половина явно медвежья, расправленные из-за спины могучие крылья.

Рядом с амулетом холодно поблескивает перстень с изображением того же зверя. Этот же зверь изображен и на браслете, и на бляхе ремня, что находятся на плите рядом с книгой. Амулет, перстень, браслет и бляха сделаны из того же светлого металла, что и обрамлявшие книгу пластины.

Я раздеваюсь по пояс, бросив куртку и рубаху на плиту. Затем беру амулет и надеваю его на шею. На миг все мои чувства смешиваются, я ощущаю сразу и дикую радость, и удовлетворение, и еще какое-то непонятное чувство, будто, наконец, обрел то, что однажды потерял. Пару минут жду, пока амулет впитается в мою грудь, и когда он исчезает, оставив на моей шее только шнурок, я беру браслет и надеваю его на левое запястье. Вскоре исчезает и он, растворившись в теле. За браслетом так же исчезает ремень. После того, как на моем пальце растворяется перстень, я одеваюсь и направляюсь к выходу. Книга остается лежать нетронутой.

Поднявшись по каменной галерее, нажимаю на нужный кирпич в кладке. Кирпич разворачивается вокруг оси слева направо, из стены напротив выезжает плита и с сухим шуршанием смыкается с плитой под моими ногами. Лестница, ведущая вниз, исчезает.

Наконец возвращается контроль над собственным сознанием.

Я стою в небольшом помещении с кирпичными стенами и гранитным полом, стою ошарашенный от нереальности произошедшего. Осматриваю руки, убеждаюсь в отсутствии браслета и кольца, ощупываю живот, ремня тоже нет. Померещилось? Хлопаю рукой по груди и нащупываю шнурок...

– Ёкарный рябой! Это что еще за катакомбы?! – слышится голос Игоря.

До самого утра я простоял на балконе, глядя на ночной город и, время от времени, ощупывая шнурок на своей шее. Мысли, роившиеся в голове, никак не хотели выстраиваться хоть в какое-то подобие логической цепочки. Они, подобно звездам на ночном небе, мелькали отдельными слабыми вспышками, и только очень отчаянная фантазия была способна выстроить из этих светящихся точек созвездия, якобы напоминающие по форме некие фигуры. Да какая тут, к черту, логика?! Если со своими суперменскими способностями я уже смирился, хоть и не знал все их возможности, то перспектива утери контроля над собственным разумом меня пугала. И снова, как прошлым летом, думать о том, что я не понимал, не имело смысла, а не думать не мог. Что за мистические предметы растворились в моем теле? Почему я даже не прикоснулся к книге?

Когда первые солнечные лучи осветили город, я вышел из квартиры и решительно направился в сторону мастерской. Если все произошедшее вчера не померещилось, то я надеялся, что книга хоть как-то прояснит ситуацию.

Вчера, услышав голос Игоря, я вернулся к пролому и, подобрав провалившуюся вместе со мной лопату, начал очищать порожки, чтобы подняться наверх.

Сверху послышалась какая-то возня, и в проломе показался Игорь, державший в руке переноску.

– Включай! – заорал он кому-то. Лампочка загорелась, осветив подвал.

– Олег?! – наконец-то разглядел меня парень. – Чего это ты тут?

– Кто там с тобой? – вместо ответа спросил я.

– Пашка. Мы с Василичем на рыбалку ездили. Его домой завезли и на обратном пути решили заглянуть сюда, посмотреть, как дела продвигаются. А тут... – взгляд Игоря упал

на противоположную стену. – Там что, еще есть помещения? – спросил он, заметив дверной проем.

– Еще такое же.

Про обнаруженное еще ниже подземелье решил пока не говорить.

Зашуршал шлак, и рядом с Игорем нарисовался Пашка.

– Фигасе подвальчик, – присвистнул он.

Я скинул шлак с последней верхней ступеньки и, оттолкнув уже готовых пролезть в пролом ребят, выбрался наружу.

– Оставим исследования на завтра, – сказал я ребятам. – А пока никому о подвале не говорите.

Друзья понимающе кивнули, и мы вместе покинули мастерские.

И вот, решив начать исследование в одиночку, а скорее, просто не выдержав ожидания, иду к мастерским.

По дороге немного отвлекся. Выйдя из дома ранним утром, всегда обращаю внимание на лица встречаемых прохожих. У доброй половины лица непроснувшихся лунатиков. Не понимаю таких, кто заводит будильник за пять минут до того момента, когда надо выходить из дома. Почему нельзя встать за часок, сделать зарядку, принять душ, позавтракать, оставшееся время позирнуть в телящик и бодреньким выдвинуться на работу? Нет, блин, надо тянуть до последней минуты, а потом, в полуживом состоянии сомнамбулы, переходить проезжую часть или, того хлеще, самому садиться за руль автомобиля.

Но среди утренних лунатиков хватает и других, вполне живых лиц. Вот, например, мужичок лет тридцати, идет счастливо улыбаясь, и в его довольном взгляде, устремленном сквозь все попадающееся на пути, легко можно увидеть эротические ночные сцены... Глядя на таких людей, сам непроизвольно начинаешь улыбаться.

А вот другой тип утреннего пешехода. Глаза выпучены, рот судорожно хватается воздух, как у выброшенной на берег рыбы, руки тянутся в сторону ближайшего киоска, пытаюсь достигнуть его быстрее, чем несут ноги. Жаждающий мозг всеми своими клеточками так сильно вырабатывает лишь одну мысль, что не надо обладать экстрасенсорными способностями, чтобы увидеть образ бутылки пива с сияющим божественным нимбом над пробкой.

Цок, цок, цок... Пронеслась со скоростью экспресса здоровенная тетка. Меня слегка качнуло воздушным вихревым потоком, стремящимся заполнить вакуум, образующийся за стремительным женским телом. М-да, при виде таких... баб не может зародиться никаких эротических мыслей. Лишь удивление, как такую массу выдерживают столь тонкие каблучки? Тетка явно опаздывает. Но опаздывает не потому, что поздно встала. Встала-то как раз рано, но вот пока то да се, погладила выстиранное с вечера шмотье, пока разбудила детей, накормила всех завтраком, на скорую руку намакияжилась, отволокла младшего в садик... А в промелькнувшем взгляде стоит список намеченного на день. В первую очередь, прискакав на работу, надо воткнуть комп и проверить, чего там нового в «одноклассниках» – кто заходил, кто какой коммент написал, кто какую оценку поставил на загруженную давеча фотку. Ага, в обеденный перерыв надо мотнуться в ближайший секонд-хенд. Там, говорят, сегодня распродажа новой весенне-осенней коллекции с пятидесятипроцентными скидками...

Ну его на фиг, читать дальше теткин список. Тем более что она давно уже скрылась из вида. Лучше улыбнусь симпатичной девушке. Она на ходу критически оглядывает свой прикид. Судя по строгому костюмчику и взволнованному выражению лица, девушка, скорее всего, направляется на собеседование по поводу работы. Хотя, какое нафиг собеседование в такую рань...

Епс...Засмотрелся... Прошел мимо мастерских...

Снова стою на площадке перед спуском в подземелье, в котором осталась книга.

Нужный кирпич в кладке, приводящий в действие механизм, отодвигающий стену, хоть и ничем не отличался от остальных, но я определяю его среди многих так, как будто нажимал на него ежедневно, почти не глядя. Отогнав начавшие было одолевать меня сомнения, спускаюсь вниз почти бегом. На этот раз обращаю внимание на абсолютную чистоту. Такое ощущение, будто кто-то неведомый отдраил гранит до блеска. Не нахожу даже следа пыли, ни клочка паутины. Да и сам воздух вовсе не отдает подвальной затхлостью и сыростью. В нем скорее чувствуется какая-то электрическая сухость. Кажется, если проведу рукой по волосам, то они, подобно кошачьей шерсти, отзовутся электрическим потрескиванием.

Миную коридор и, подходя к плите, замечаю отсутствие книги...

А была ли книга? Были ли пояс, браслет, перстень и амулет? Ну и что, что на моей шее болтается какой-то шнурок? Если есть шнурок, это вовсе не значит, что было и все остальное. Может, в подземелье скопился галлюциногенный газ, и все произошедшее не что иное, как глюк. И шнурок – единственно реальная часть этого глюка. Мало ли что бывает. Один знакомый, например, встал как-то ночью с кровати, поснимал в квартире все межкомнатные двери с петель, составил их к стенке и, под офигевшим взглядом жены, спокойно улегся в кровать и захрапел дальше. И он сам утром ни за что не поверил бы рассказу жены, если бы не снятые с петель двери.

Так и я, мог нацепить этот шнурок в бреду, вызванном галлюциногенным газом, а все остальное дорисовала отравленная психика.

Однако само подземелье, скрываемое отодвигающейся гранитной плитой, существует. И с потолка подземного зала свисает вполне реальная каменная столешница, подвешенная на толстых металлических цепях. И существует шесть арочных проходов, забранных стальными решетками, по три с каждой стороны. И за каждой из этих решеток сплошная тьма... Тьма?! Благодаря неизвестно как приобретенным способностям, я могу видеть в темноте не хуже, чем при ярком освещении. Но за пределами решеток я не вижу ничего... Что скрывают эти решетки? Как открываются? Открываются ли вообще? Может, толстые металлические стержни просто вмурованы в гранитный монолит.

Почему-то я не испытываю ни малейшего желания подходить к этим решеткам.

Размышляя над всем этим, стою у висающей на цепях плиты и, не зная, что предпринять, дотрагиваюсь до шнурка, словно желая еще раз убедиться в его существовании.

Мои пальцы нащупывают амулет!!!

На плите, словно материализуясь из воздуха, появляется книга! На толстом кожаном переплете имеется небольшое углубление в виде человеческой ладони, словно кто-то с невероятной силой вдавил кожаную обложку, да след так и остался.

Продолжая держать в правой руке амулет, левую кладу на книгу, совместив ладонь с выемкой. В тот же миг сознание меркнет.

Я, один из семи, существовал вечно.

Я не знал или не помнил ни своего начала, ни своего создателя, если такой когда-либо существовал.

Я мог на века впадать в небытие, забывая, что было до того.

Я мог, выйдя из небытия, влиться в тело первого попавшегося смертного и овладеть им, заменив его сущность своей, либо, если его сущность окажется сильнее, затаиться в глубине человеческого сознания.

В первом случае сущность смертного умирала, а я приобретал тело в полное свое пользование, удивляя бывших его знакомцев вдруг открывшимися или приумножившимися талантами, появившимися неординарными способностями. Иногда, став обладателем новой обо-

лочки, я продвигался в правители государств, приводя их к процветанию или, наоборот, к уничтожению. Иногда становился пророком, провозглашая новые религии. Иногда развлекался, становясь городским сумасшедшим. Один раз даже позволил сжечь себя на костре, находясь в образе деревенской колдуньи.

В случае, когда сущность смертного оказывалась достаточно сильна, чтобы не позволить мне овладеть ею, я затихал в глубине сознания смертного, постепенно растворяясь в нем, проникаясь его бытием и его идеями, позволяя ему овладеть моей Силой, способной пробудить скрытые человеческие возможности – те человеческие возможности, которые практически вытравлены глупым путем технической цивилизации. И этот второй случай вызывал во мне больший интерес, ибо всегда был полон неожиданных поворотов и решений. Однако и «присосаться» к такой сущности было непросто. В обычном состоянии сущность такого смертного была огорожена непроницаемым щитом. Проникнуть за этот щит можно было, лишь подведя смертного к грани небытия. Очень часто, оказавшись на этой грани, душа проваливалась за нее, и тело умирало.

Когда все проходило удачно и мне удавалось проникнуть в сущность, не убив смертного, начиналось Течение Времени. Если для моей сущности Времени не существовало, то тело и душа смертного, частью которого я теперь становился, были ему подвластны. Именно Течение Времени и было то, чем так притягивали меня эти несовершенные смертные. Течение Времени рождало во мне то, что у смертных именуется азартом. Воплотившись в новом теле, я чувствовал себя подобно спринтеру, выходящему на дистанцию. И если в первом случае дистанцию выбирал я сам, то во втором непредсказуемость дистанции усиливала азарт. И именно благодаря Азарту я начинал Жить, а не просто существовать.

Чтобы хоть как-то продлить дистанцию, отмеренную смертному Временем, при этом не замедляя движения, необходимо было усовершенствовать его тело. Обращаться со своими телами смертные не умеют, вследствие чего они изнашиваются значительно быстрее отпущенного им времени. Исправить это было легко. Достаточно лишь пробудить в тканях способности к регенерации, и тело восстанавливалось довольно быстро. Смертный же принимал изменения в себе как дар богов. Глупый.

Сложнее было заставить смертного овладеть Силой. Если, вливаясь в поработанные души, я наделял тела собственной силой, то во втором случае я мог быть лишь сторонним наблюдателем. Поэтому и были созданы артефакты силы. Иногда уходило несколько месяцев, а то и лет, драгоценного времени, прежде чем удавалось подвести смертного к артефактам и, овладев на короткое время его разумом, заставить принять их. Сами артефакты представляли из себя сгустки энергии, воспринимаемые смертными как некие материальные предметы. Соединяясь с этой энергией, человек приобретал Силу. Однако пользоваться ей ему еще предстояло научиться. Бывало, смертный проходил свой путь, не подозревая о приобретенном даре.

Еще реже происходили случаи, когда я, вселившись в очередное тело, встречал на своем пути подобного мне, другого из семи. Тогда игра становилась интересней.

–Э-эй, Оле-ег, ты чего это? А? Что с тобой?!

Мое сознание как будто вынырнуло из глубокого омута. Я по-прежнему стоял в подземном зале, положив одну руку на плиту, а другой тянул шнурок с такой силой, что на шее наверняка надолго останется след.

– Э-й! Да что с тобой?! – тряс меня за плечо Игорь.

– Задумался малость, – отбросил я его руку. – Чего трясешь как яблоню? Один хрен ничего не посыплется, не надейся.

– Фигасе задумался! Да я тебя минут пять уже из задумчивости вывести не могу. Уже и не знал, что делать.

– Ты как тут оказался?

– Как-как. По ступеням спустился. Договаривались же вчера с утра подвальчик осмотреть. Я вот фонарик прихватил, – луч мощного фонаря перемещался по стенам зала, пока не наткнулся на одну из решеток. – Ого! Смотри, решетка! И проход куда-то. – сообщил Игорь.

– Да видел я. Ты с Пашкой?

– Не. Один приехал. Но Пашка тоже должен щас подкатить. Слушай, Олег, а что с тобой было-то? А?

– Сказал же – задумался. Глубоко задумался. Знаешь, Игорек, давай наверх поднимемся, пока кто еще не нагрянул. Там и обсудим все, – я решительно направился к выходу. И уже шагнув из зала в каменный коридор, оглянулся. Игорь стоял, тупо глядя в мою сторону, опустив луч фонаря в пол.

– Ты чего там застыл? Тоже, что ли, задумался глубоко?

– А... – Игорь сглотнул, пошлепал губами. – А-а, а как ты без фонаря... ну-у без света... в темноте?

– На ощупь, – оборвал я. – Двигай наверх!

Мы молча поднялись из подземелья в подвал. Я пропустил вперед Игоря, толкнул нужный кирпич. Плита с тихим шорохом задвинулась. Навстречу нам метнулся луч еще одного фонаря.

– Чего меня не подождали? – с укором произнес Павел. – Что там? Еще комната? – спросил он. Недоумеая проследил за тем, как мы молча прошли мимо, направился за нами.

Игорь описал Пашке увиденное, а я тем временем пытался вспомнить, что со мною произошло. Помнил только, что мне опять почудились книга и амулет. И все...

После введения Павла в курс дела мы провели небольшое совещание, на котором решили, что до более подробного исследования обнаруженного подземелья будем держать его в секрете. В крайнем случае, можно будет открыть тайну Василичу. А пока нужно ускорить строительство крыльца, дабы не ходить в кабинет через цех. Дверь из цеха держать постоянно запертой и не открывать при непосвященных.

Крыльцо общими усилиями замастрячили за пару дней. Василич приступил к настилу пола, с потайным люком и лестницей. Он был посвящен в существование только двух первых помещений, но идею оставить их в секрете поддержал. Помогать старику вызвался я сам. Павел взялся провести освещение в подвале. Игорю пришлось временно руководить двумя бригадами отделочников, замещая друга.

Исследование подземелья отложили на воскресенье.

Еще издали заметил, как во двор мастерских заезжает «нива» Игоря. Павел закрыл за машиной ворота. Когда подошел, ребята уже сидели на крыльце, держа в руках по большому фонарю. Оба одеты в ветровки защитного цвета, подпоясаны армейскими ремнями, к которым прикреплены чехлы с саперными лопатками, и где только взяли.

– Вы что там, окопы рыть собрались? – спросил, пожимая протянутые ладони.

– Взяли на всякий случай. Кто знает, что там, за этими решетками, – деловито парировал Игорь.

– С чего ты взял, что мы попадем за эти решетки? Надо сперва разобраться, как они открываются, – я открыл дверь, и мы ввалились в кабинет.

– Ра-азберемся, – уверенно хмыкнул Игорь. – Ух ты-ы. Пол уже готов! Лихо вы.

– А ты думал, мы тут спали неделю? – хлопнул друга по плечу Пашка.

Ярко освещенный, благодаря Пашкиным стараниям, подвал уже не казался таким таинственным. Разве что потолок несколько высоковат для подвального помещения. Не было в нем никаких достопримечательностей, типа настенных рисунков и тому подобного. Поэтому разглядывать здесь было нечего, и мы сразу направились в кладовку, в которой открывался люк в подzemелье.

– Олег, ты опять без фонаря, – не спросил, а как бы констатировал факт Игорь. Я глянул на него, но ничего не ответил. По Пашкиному взгляду было понятно, что сей феномен ребята уже обсуждали. Интересно, к какому выводу пришли? Ну да ладно, что я мог им объяснить, если сам нифига не понимал.

Молча проследили за отъезжающей плитой и гуськом двинулись вниз.

Лучи фонарей шарили по порошкам, стенам, потолку галереи. Друзья восхищались, удивлялись и строили версии по поводу тех, кто вырубал все это в граните.

Вышли в зал. Игорь сразу направился к подвешенной столешнице, подпрыгнув, уселся на нее и принялся раскачиваться как на качелях. Я грубо сдернул его на пол.

– Давайте договоримся, – сказал я громко. – Ни к чему не прикасаться, никуда не лезть и ни на что не запрыгивать до тех пор, пока мы все здесь как следует не изучим!

– Да ладно. Я больше не буду, – ехидно улыбнулся Игорь

– Мужики! Мужики! – Пашкин голос звучал испуганно и одновременно крайне удивленно. – Смотрите, что это?! Не пойму...

Мы обернулись к нему. Он освещал фонарем одну из решеток. И удивительно было то, что луч не пробивал тьму, сгустившуюся за решеткой, а скользил по ней, как по стене. Еще первый раз я заметил, что, несмотря на свое феноменальное зрение, не вижу ничего за решеткой. Теперь оказалось, что и луч фонаря тоже беспомощен перед этой тьмой.

Поочередно обошли все зарешеченные проемы. В каждом непроницаемая тьма.

Игорь вынул лопатку и сунул за прутья. Лопата свободно вошла во тьму, растворившись в ней полностью, и так же свободно вернулась назад.

– Мистика... – выразил общее мнение экспериментатор. – Руку я, пожалуй, туда совать не буду.

– А я, когда к первой подошел, за решетку брался, пальцы на той стороне в ... это наверняка погружались, но ничего не почувствовал, – сказал Пашка.

– Ну сунь еще, а мы посмотрим, – подначил Игорь.

– Неа. Не хочу. Сам суй.

– Головы туда суньте, – буркнул я, пытаюсь обнаружить хоть одну умную мысль, но безрезультатно.

– Не пролезут. Решетка слишком частая. Кстати, что будем с ней делать? Может, тупо срежем болгаркой? – Игорь вопросительно уставился на меня.

– А зачем? – я в свою очередь глянул на энтузиаста.

– Как зачем?

– Ну, спилим мы ее. Хотя что-то мне подсказывает, что не такое это простое дело. Но, допустим, спилим. И что? Кто-то из вас пойдет в эту темень? А если и пойдет, что толку? Если сквозь нее даже свет не проникает, значит, там нифига не видно. А если эти решетки как-то сдерживают темень? Мы их спилим или откроем, если разберемся как, а это темное нечто вывалится и пожрет нас. А?

– В натуре. Я и не подумал.

– Типа, ты когда-нибудь думал. – Пашка слегка шлепнул друга по затылку.

– Да пошел ты, – незлобливо огрызнулся тот. И, засовывая лопатку в чехол, обратился ко мне: – Что делать-то будем?

– Будем не спешить. Для начала осмотрим здесь все как следует. А там видно будет.

В течение получаса ребята исследовали пол, стены и потолок подземного зала. Безрезультатно. Никаких предметов или тайных знаков, никакой настенной живописи.

Я же сразу заметил на стене справа от каждой решетки очерченные микроскопическими трещинами квадраты. Почти уверен, что с их помощью открывались проходы. И теперь, бродя от одной стены к другой, думал, стоит ли говорить ребятам. Вообще-то стоило пока промолчать, а то еще полезут без спросу экспериментировать. Но, с другой стороны, вдруг сами обнаружат или случайно облокаются да нажмут? Мало ли как эти квадратики действуют, или что приводят в действие? В конце концов, просто еще раз предупредил ребят, чтобы сами никуда не лезли, а если что обнаружат, то сперва тщательно и сообща обследовали визуально. Возражений не последовало, и, осмотревшись еще раз, решили на сегодня с подземельем расстаться.

Ребята подвезли меня домой.

–И все таки, ты в темноте без фонаря... – начал было Игорь, но я захлопнул дверцу «нивы» и зашагал в подъезд.

Все-таки хорошо, что я мог спать. При новых возможностях организма сон не был мне необходим. По крайней мере, я свободно мог бодрствовать неделю, не замечая усталости, не испытывая сонливости. Не раз проверял. Но все ж были моменты, когда ни делать ничего не хотелось, ни думать ни о чем. И если бы не сон... Правда, теперь сон не приходил как обычно постепенно, а я просто ложился с решением заснуть, и в организме что-то отключалось на нужный промежуток времени. И я даже не думал о том, во сколько мне нужно проснуться, просто просыпался в нужное время и все.

Вчера Володька пригласил попариться в баньке. Баню он построил просторную и всегда был рад позвать друзей. Иной раз собиралось человек по десять. И как водится, делились новостями, вспоминали былое, спорили о чем-либо до хрипоты. Вот и вчера собралась такая компания. В итоге домой я вернулся ближе к полуночи совершенно отвлекшийся от утренних исследований, и сразу бухнулся спать.

Наутро планов не было, поэтому вставать не спешил. Проснувшись с первыми заглянувшими в окно солнечными лучами, долго лежал в полудреме. Встал только когда в голове, окончательно прогнав сон, начали роиться беспорядочные мысли.

Холодный душ. Яичница. Кофе.

Загудел вибровозвонком мобильник. Высветилось «Н.В.» – Николай Васильевич.

– Да, Василич. Какие проблемы с утра пораньше?

– Дык тут это... Инспектор пожарный пришел... пришла... В общем, приезжай сам разбирайся.

– Так пришел или пришла? Баба, что ли?

– Спрашивают, когда будешь?

Я понял, что тот, кто пришел, находится рядом с Василичем, и поэтому старик не может подробно объяснить суть проблемы.

– Скажи, через двадцать минут буду.

Во дворе мастерских сразу бросилась в глаза ядовито-желтым цветом малолитражная хундайка. Ясно, что принадлежит женщине. Мужик не сядет за руль такого... А если сядет, то не мужик.

– Вот и хозяин подошел, – указал на меня Василич, стоявший у дверей мастерских рядом с русоволосой женщиной. Осматриваю гостью. Довольно симпатичная блондинка, лет около тридцати. Зеленые глаза оценивающе стрельнули, взгляд пробежал по моей фигуре и, не найдя, на чем зацепиться, стал деловито-скучающим. Серый деловой костюм придавал ее фигуре какую-то особенную офисную сексуальность.

И это пожарный инспектор?! Да никогда не поверю! Пожарный инспектор должен быть маленьким, лысым, вечно потеющим мужичком, с маленькими бегающими глазками. Передо мною же стояла как минимум секретарь какого-нибудь крупного босса. Или нет. Скорее, я бы принял ее за директрису мелкой фирмочки, что-то типа турагенства и т.п. Я бы назвал ее красавицей, но мешало то ли усталое, то ли смертельно скучающее выражение зеленых глаз.

– Старший инспектор Никитина. – Представилась зеленоглазка. Держа на локте левой руки папку, она сделала какие-то пометки на листке бумаги и протянула его мне. – Вот акт о нарушении правил пожарной безопасности. Ваш сторож, – взгляд в сторону хмурого Василича, – не позволил мне осмотреть все помещения, но и того, что я видела, достаточно, чтобы опечатать здание.

– Погодите, погодите. Как опечатать? Ведь все было принято и подписано вашим инспектором еще зимой. Нет ну, сейчас здесь, конечно, небольшой бардак, но только потому, что идет ремонт. Вот после ремонта милости просим – приходите, принимайте.

– Знаем мы, как вы сдаете объекты. Сейчас новые, более жесткие, требования. И состояние вашего здания им не отвечает. Поэтому я вынуждена его опечатать.

– Девушка, милая, но вы же старший инспектор, а значит, не простой бездумный исполнитель. Скажите, как я смогу исправить несоответствия, если вы опечатаете мастерские?

– Обращайтесь с этим вопросом к вышестоящему начальству. Я лишь выполняю распоряжение...

Опа! Какое еще распоряжение? Значит, все якобы нарушения – туфта? Есть какое-то распоряжение? Чье? Почему?

Инспекторша, поняв, что ляпнула лишнее, теребила в руках папку, вероятно, соображая, как скорее разобраться с делом, опечатать, наконец, эти долбанные мастерские и покинуть этот пыльный двор на своей гламурной машинке.

Ну уж нет. Надо выяснить у нее как можно больше.

– Извините, о каком распоряжении вы говорите? Кто-то распорядился прикрыть мастерские? Я кому-то перешел дорогу?

Предательский румянец выступил на нежном личике. Зеленые глазки сделались злыми.

– Я имела в виду новое постановление об ужесточении противопожарных мер. Вы дадите мне опечатать, или к вам необходимо являться только в сопровождении милицейского наряда?

Та-ак. Видать, распоряжение конкретное.

– У вас наверняка есть с собой копия этого постановления? Разрешите ознакомиться?

– Я не ношу с собой все постановления. С вас достаточно ознакомиться с актом о нарушениях.

– Нет. Еще раз прошу меня извинить, но так дело не пойдет. Не могу позволить вам опечатывать свое имущество, не разобравшись в чем дело. Давайте начистоту. Кто-то что-то от меня хочет? Скажите кто? Скажите, к кому мне следует обратиться? Я же не совсем идиот. Понимаю, что так, с наскока, не опечатывается ни одно здание.

Злое выражение на ее лице сменилось отчаянной усталостью. Глаза помутнели от выпившей влаги.

– О боже! Ну почему он поручил это именно мне? Почему нельзя было послать какого-нибудь мужика? Почему всегда такие вопросы должна решать я?

Женщина устало опустила на лавочку. Я с интересом ждал продолжения. Напрасно. Присев лишь на полминуты, она вдруг решительно встала и, высоко задрав носик, направилась к машине.

– Все! Пусть шеф сам с вами разбирается! И вы со своими вопросами можете прямо к нему... – Продолжая что-то говорить, с силой захлопнула дверцу хундайки.

Через минуту о симпатичной инспекторше напоминала только бумажка, именуемая актом о нарушениях. Какое-то время я тупо разглядывал этот листок.

– Слушай, Олег, – вывел меня из ступора голос Василича. – Тут такое дело... Ко мне вчера какие-то быки приходили. Сказали, из администрации. Неушто в нашей администрации такие рожи уголовные сидят? Предлагали дом продать. Мол, строить чтось здесь будут и все равно всех выселят. Дали неделю на раздумье. Потом, сказали, снова придут. От меня к соседу пошли. Я вот думаю, не одного ли поля ягоды вчерашние быки из... хм... администрации и сегодняшняя фифочка?

– Интересно, интересно... Денег-то хоть сколько предлагали?

– За дом, что ли? Дык, нисколько не предлагали пока. Пришли, оттараторили как стишок заученный и ушли. Послушаю, что через неделю скажут. Ты то сам чего делать думаешь?

– А что делать... Бум разбираться. Нет мне резона мастерские терять, – в этот момент я думал о подземелье. – Ты вот что, Василич. Застели временно чем-нибудь полы в кабинете, чтобы люк прикрыть. И никого туда не впускай, держи дверь постоянно запертой. Если что срочное, ну, если явится кто опять, сразу звони. А я, заодно, постараюсь узнать, кто это на твой дом позарился. Значит, из администрации, говоришь, хм...

Тяжелый вздох, отчаянный взмах руки, и старик скрылся в дверях мастерских.

Собственную машину я продал, еще когда начались проблемы со зрением. С тех пор так и не приобрел. Не то чтобы привык обходиться, а просто понял, что никакой свободы автомобиль не дает. Наоборот – одна сплошная зависимость. Более того – обуза. Нет, ну, автомобиль, конечно же, нужен тем, кого, как говорится, колеса кормят. Например, тем, кто занимается грузоперевозками и т.п. Я же прекрасно обходился услугами такси и не забивал голову стоянками, гаишниками, техосмотрами, ремонтами и прочей лабудой, непрестанно сопровождающей владельцев авто.

Но сегодня был тот редкий случай, когда лучше было иметь под задницей личные колеса. Потому я и позвонил Игорю. По дороге в офис пожарной инспекции ввел его в курс дела. Не забыл упомянуть и о гостях Василича. Игорь только возмущенно хмыкал и сосредоточенно крутил баранку.

У крыльца пожарки в ряду других автомобилей стояла уже знакомая желтая хюндайка. Я с ехидцей мысленно отметил свежую птичью кляксу на лобовом стекле – бог шельму метит, так гласит народная мудрость. Хотя та же мудрость сообщает, что дерьмо к деньгам...

Узнаю у шествующей по темному коридору престарелой шатенки, где находится кабинет начальника. У дверей приемной сталкиваюсь с хозяйкой обиженной неизвестной птичкой машины. Она вылетела из приемной шефа как ошпаренная. На меня даже не взглянула, мало ли посетителей ходит по коридорам, какое-то время не могла попасть ключом в замок соседней двери. Наконец дверь отворилась и, громко хлопнув, скрыла за собой женщину. Табличка на двери гласила: «старший инспектор НИКИТИНА ЮЛИЯ ФЕДОРОВНА». М-да, Юлия Федоровна, день у вас, похоже, не задался. И машину опять же птичка обгадила... Тьфу ты, далась же мне эта машина. Шагаю в открытую дверь приемной.

Говорят, что по внешнему виду секретарши можно многое сказать о ее шефе. Интересно, что бы сказали специалисты по подобным определениям, увидев огромную во всех трех измерениях блондинку с густыми черными бровями, с ярко-красно напылаженными губами и с неожиданно нежным почти ангельским голоском?

– Вы по какому вопросу?

– Я к ... – нахожу взглядом табличку на дверях кабинета начальника, нифига себе имечко! «Бельц Терем Яковлевич». – Я к Терему Яковлевичу по поводу вот этого акта.

Она берет у меня листок. Боже мой! Ее ладонь в два раза больше моей! Каков же ее шеф?!

Великанша бегло изучает документ и вновь удивляет меня нежным голоском.

– Присядьте, пожалуйста.

С неожиданной для ее массивного тела легкостью поднялась и прошествовала к дверям шефа. В походке сквозит некая фундаментальная грация существа, знающего цену каждому

своему движению. Если бы этот Терем-теремок догадался посылать ее в качестве инспектора, то... Я пытаюсь представить, что утром в мастерские явилась эта... кх-м... женщина, и спешно гоню от себя эту мысль. За первой дверью оказался небольшой тамбур. Секретарша стукнула троекратно во вторую дверь, затем закрыла за собой первую. Не зря начальники устраивают перед кабинетами такие тамбуры – звукоизоляция стопроцентная, можно даже и не стараться напрягать слух, хоть ухо к дверям приложи, все равно ничего не услышишь. Ладно. Подождем-с.

А пока можно обмозговать ситуацию. Судя по гостям из администрации, если, конечно, из администрации, которые посещали хозяев домов, расположенных рядом с мастерской, кому-то понадобилась земля в том районе. Скорее всего, под какое-то строительство.

Почему же тогда ко мне никто не явился с предложением купить мастерские? Да ясно же почему! Решили сперва задавить разными инспекциями – сегодня пожарная, завтра какая-нибудь санэпидемстанция, послезавтра еще кто-нибудь. И когда меня достанут так, что я сам захочу избавиться, купят за три копейки. Возможно, такой вариант и прошел бы неделей раньше, когда еще не было обнаружено подземелье. Но сейчас... По крайней мере, пока не разгадана тайна...

Прерывая мои размышления, двери кабинета распахнулись и выплонули маленького лысого толстячка в помятом сером костюме. Он шагал так широко, словно каждый раз намеревался сесть на шпагат. Застегивая на ходу пухлый портфель, он крикнул себе за спину:

– Зинаида, не забудь подготовить письмо в область! И всех к Никитиной...

Его шаги быстро затихли вдали коридора. Выпорхнувшая следом великанша прокричала в коридор:

– Все сделаю, Терем Яковлевич!

Ее взгляд нацелился на меня, и выражение лица из заискивающего переменялось на снисходительно-доброжелательное.

– Извините. К сожалению, Терем Яковлевич срочно отбыл в мэрию. Он сможет принять вас в следующий раз, когда будет свободен. Но так как ваше дело в ведении Никитиной, то вы можете обратиться к ней прямо сейчас. Ее кабинет находится рядом. Еще раз извините.

Так вот ты каков, Терем Яковлевич...

Я молча вышел из приемной. А нужна ли мне Никитина? Все ж, постучав, толкаю дверь ее кабинета.

– Можно к вам, Юлия Федоровна?

Она еще несколько секунд продолжает задумчиво смотреть в окно. Поворачивается. Во взгляде вспыхивает негодование.

– Вы?!

– Я. А что вас так удивило? Разве я не могу нанести ответный визит? Да не волнуйтесь. Я вовсе не собираюсь опечатывать ваш кабинет. И вообще, я могу немедленно удалиться, как только вы ответите мне на один вопрос.

– О боже! Да что ж за день-то сегодня такой?! – она устало опустилась в кресло. – Я же вам сказала утром – все вопросы и претензии к начальнику. Его приемная рядом.

– Был я там. Меня к вам отфутболили. Да я вас понимаю. Работа нервная. А тут еще птичка эта, не могла в другом месте пролететь.

– Какая птичка?

– Да летает тут одна, гадит... Да я, собственно, по другому поводу. С птичкой вы сами разбирайтесь, – не дожидаясь приглашения, да и не дождался бы, сажусь на ближайший стул. – Единственное, что меня интересует – кто натравил на меня ваше ведомство? Мне это необходимо узнать как можно скорее.

– Знаете что?!

– Что?

– А то, что мое терпение лопнуло, – зеленые глаза яростно сверкали. Она вскочила, вышла из-за стола и, остановившись передо мной, указала рукой на дверь. – Идите к начальнику и там проявляйте свою наглость!

Я закинул ногу на ногу, откинулся на спинку стула.

– Во-первых, ваш шеф куда-то срочно убежал. Во-вторых, я боюсь его секретарши.

Никитина какое-то время стояла, молча сверля меня взглядом.

– А меня вы, значит, не боитесь? И потому решили поиздеваться?

– Юлия Федоровна, поймите, я лишь хочу защитить свою собственность...

– От меня?

Демонстративно окидываю ее взглядом.

– Нет. Вас я всегда буду рад видеть.

– А я вас видеть не хочу!

– Вы знаете способ, как от меня избавиться. Кто?

Она молча вернулась в свое кресло. Какое-то время что-то сосредоточенно изучала на мониторе, периодически щелкая клавиатурой. Снова взглянула на меня, старательно изображая равнодушие.

– Вы еще здесь?

Ну что ж. Поднимаюсь и направляюсь к двери.

– Шефу кто-то звонил из мэрии. Больше я ничего не знаю, – раздается мне в спину.

Оборачиваюсь. Юлия снова с умным видом стучит по клавишам.

– Скажите, Юля, если я куплю себе крутую тачку, то смогу пригласить вас в ресторан? – наши взгляды встречаются, и я поспешно закрываю за собой дверь.

– Есть результат? – встретил вопросом Игорь.

– Практически нулевой. Лишь подтвердилось, что инициатива исходит из мэрии.

– И что делать?

– А что делать? Будем ждать, пока не выяснится точно, кому и что от нас нужно. Заводи. Поедем куда-нибудь пообедаем.

Ждать долго не пришлось. После обеда вновь позвонил Василич и сообщил о гостях.

Нам не удалось проехать во двор мастерских, ибо проезд загораживал огромный черный джип, взирающий свысока на игровую «ниву» непроницаемо-темными тонированными стеклами. Пришлось «спешиться» перед воротами. Протискиваясь мимо джипа, глянул в его окна и... зрение каким-то образом перестроилось, я увидел развалившихся в салоне четырех мордоворотов, лениво разглядывающих меня. Не эти ли приходили к Василичу с предложением, а вернее, с предупреждением, что ему придется продать дом.

Во дворе стояли два одинаковых белоснежных круглофарых мерса. Рядом вышагивали, заложив руки за спину и по-хозяйски осматриваясь, два пузана, чьи дородные физиономии я не раз замечал в местных новостных каналах ТВ. Однако кто они такие, вспомнить не мог. Никогда не обращал особого внимания на местных тузов.

– Олег Юрьич? – спрашивает один, заметив мое приближение. Его маленькие серые глазки ощупывают меня с неприязненной снисходительностью. Мол, до общения с какой только шушерой не приходится опускаться небожителям.

– Он самый, – отвечаю и чувствую, что тревога пропала, а ее место занял не свойственный мне, а потому непонятный азарт. – Если вы ко мне, то подождите минуточку. Сейчас отдам кое-какие распоряжения и выйду к вам, – я быстро прошествовал мимо оторопевших чиновников, привыкших, что ждать могут только их. Ну да ждали же, пока подъеду, подождут и еще. Глядишь, выйдут из равновесия и сболтнут чего лишнего. В мастерских встречаю Василича.

– Видал, какие гости высокие? Не к добру это.

– Видал. Кто это, кстати? А то рожи по телеку видел мельком, а кто такие, не знаю.

– Да это ж два братца родных, Сараевы. Они раньше директорами совхозов были. А как поразваливали хозяйства напрочь, так в мэрию перебрались. Кем они там числятся, не знаю, но вот уже третий мэрин меняется, а они все остаются. Крепко засели, однако.

– Ладно. Разберемся. Ты люк замаскировал?

– Застелил пол ДСП. Сейчас Темка прикручивает саморезами.

Василич хотел сказать еще что-то, но, взглянув мне за спину, замолчал. Я обернулся. В мастерские входит, пригнувшись в дверях, один из тех громил, что сидели в джипе, и, тяжело топая, направляется к нам. Каждое его движение наполнено уверенностью сильного зверя, готового порвать любого, вставшего на пути. Тяжелый взгляд опускается на меня.

– Послушай, мужик, к тебе люди пришли. Уважаемые люди! – уточняет он. – Не надо заставлять их ждать. Ты меня понял?

Я поворачиваюсь к Василичу.

– Этот приходил к тебе насчет продажи дома? – спрашиваю, демонстративно игнорируя громилу. Старик молча кивает. По нему видно, что он чувствует себя весьма неудобно. – Ладно, иди. Я тут сам разберусь, – отпускаю я Василича. Тот с явным облегчением удаляется.

– Так что ты говоришь про своих хозяев? – наконец соизволяю заметить бычару.

Сохранив во внешнем виде абсолютное спокойствие, он наклоняется и тихо, но внятно, произносит прямо мне в лицо:

– Когда ты станешь им не нужен, – громила кивает в сторону выхода, – я порву тебя на британский флаг. А сейчас, если не пойдешь сам, я тебя отнесу... нежно, – его губы растягиваются, изображая улыбку.

Странно, но я не испытываю никакого страха перед этой горой мускулов. Даже секретарша Терема Яковлевича вызывала во мне больше уважения. И потому, направившись к выходу, я совершенно искренне улыбаюсь в лицо холуя.

– Послушай, Олег Юрьич, мы занятые люди...

– Мне уже объяснили, – обрываю кинувшегося ко мне чиновника. – Извините, в помещении ремонт, поэтому не могу вас пригласить внутрь. Вы не будете возражать, если я выслушаю вас здесь? И без предисловий. Кому и что от меня нужно?

Братья обменялись взглядами.

– Ну что ж. Хочешь напрямую? Тем проще. Только давай без лишних ушей, – говоривший кивает в сторону приближающегося Игоря.

– Олег, мне дадут машину во двор загнать, или я так и буду торчать перед воротами?

Я вопросительно взглянул на братцев, молча переадресовывая им вопрос. Один из них кивнул громиле, стоявшему у меня за спиной. Тот направился к джипу.

– Сейчас пропустят, – сообщаю Игорю. – Загонишь машину, помоги Василичу.

Парень понимающе кивает и шагает вслед за быком.

– Слушай внимательно, – заговорил один из Сараевых, когда мы остались втроем. – На этом самом месте, где стоит твой сарай, будет строиться... Неважно, что будет строиться. Для тебя неважно, – уточняет он.

– За землю ты получишь компенсацию, – перехватывает инициативу второй братец. – Но! Платить за это ... ветхое сооружение тебе никто не станет. И не делай круглые глаза. Ты сам хотел разговора напрямую. Хотел? Получи.

– Но позвольте, – возмущаюсь я. – А с чего вы так уверены, что я вообще соглашусь продавать этот участок?

– Нет, ты не врубился, – констатирует факт один из толстяков. – Ты вообще в курсе, кто мы такие?

– Ну, видел раз по телевизору, – я решаю тупить. – Председатели колхозов вроде. Или не?

– Ты когда последний раз телевизор смотрел? – взбеленился толстяк.

– Наверное, когда еще телеки черно-белые были? – подхватывает второй, довольно прихрюкнув над своей шуткой. И тут же переходит на внушительный шепот: – Мы серые кардиналы этого города. Мы можем просто переехать тебя, не заметив. Но мы добрые. И поэтому, Олег Юрьич, мы обращаемся к тебе по-хорошему. И даже по имени-отчеству.

– Администрация выплатит тебе компенсацию за землю, – продолжает внушение первый братец. – Но за сарай, еще раз повторяю, платить никто не будет. Ибо он все равно пойдет под снос. Можешь делать с ним, что хочешь. Можешь разобрать по кирпичику и вывезти. Можешь застраховать от пожара и сжечь. Но на все тебе дается месяц. Все. На этом откровенный разговор закончен. Если возникнут какие-либо вопросы, милости просим, записывайся на прием, и мы тебя выслушаем в порядке очереди.

И подтверждая, что разговор окончен, он разворачивается и решительно шагает к одному из мерсов.

– Все бумажные вопросы будешь решать с Владом, – кивает на джип другой толстяк и семенит следом за братом.

Вот и прояснилась ситуация. Теперь ясно – кто. Ясно, что приемлемых для меня вариантов нет. И не ясно, что делать...

Лежа на старом диване, честно пытаюсь думать о решении возникшей проблемы. Солнце, уставшее наблюдать за моими попытками думать, давно скрылось за крышами домов. Через открытое окно, вместе с весенней прохладой, доносится шум ночного города. Стараюсь, но никак не могу сосредоточиться на проблеме. Думаю о симпатичной старшем инспекторе Юлии. О том, что надо приобрести собственный автомобиль. О том, что в квартире много лет не делался ремонт.

Так! Все. Надо сосредоточиться на проблеме. Встаю и иду на кухню заваривать чай. Интересно, когда я в последний раз включал в квартире свет? Да и зачем это мне, если я прекрасно вижу в темноте... Е-мое, опять не о том...

Итак, что я могу противопоставить Сараевым? Да нифига. Кто я по сравнению с ними? Да никто. Если все же придется расстаться с мастерскими, что я теряю кроме вложенных средств и затраченного времени? Подземелье. И связанную с ним тайну. Не понимаю почему, но уверен, что мне необходимо проникнуть в эту тайну. А значит, необходимо иметь доступ к подземелью. Если бы не странная тьма, обитающая в зарешеченных проходах, можно было бы исследовать их. Возможно, нашелся бы другой вход, выходят же они куда-то. Тогда замуровать вход из мастерских и засыпать подпол КамАЗом земли – дело одного-двух дней. Но тьма... Что, если попробовать открыть одну из решеток? Только сделать это надо одному. Незачем ребятам рисковать. В любом случае, у меня есть месяц времени, отведенный толстяками. А значит, не надо делать поспешных шагов. За месяц может что-нибудь измениться. Но и расслабляться не стоит.

Мысли вновь съехали к автомобилю. Чего вдруг загорелось приобрести? Чтобы был? И если брать, то какой? Как-то видел в инете фотографии шестиколесного «Трэкола», выпускаемого, кажется, на УАЗе. И вот запал в душу этот вездеход. Приобрести бы такой, с виду круче импортных джипов будет.

Новый скачок мысли. Интересно, зеленоглазая злодейка замужем? Почему-то уверен, что нет. Но не может же такая красotka быть одна? Или может? Или не может? Да и что мне до нее? И что ей до меня? Чем могу ее заинтересовать? Пешеход, проживающий в однокомнатной квартире. В квартире с выцветшими старыми обоями, с вылезшим из-под плинтусов линолеумом... Нет, это действительно непорядок. Имея под рукой две большие бригады строителей-отделочников, не могу организовать ремонт в собственной квартире. Стыдно будет кого в гости пригласить. Завтра же займусь этим вопросом. Обязательно. Вернее, уже сегодня, судя по начинающему светлеть небу.

Чай остыл. Нажимаю на клавишу чайника...

М-да. Как же все-таки может все измениться за один только день. Почти год дела шли как по маслу, и на тебе... Откуда только взялись эти Сараевы? Серые кардиналы, мля. Надо бы побольше разузнать про них, на всякий случай. У Володьки, кажется, есть какой-то знакомый в мэрии. Надо заскочить к нему, переговорить – пусть ненавязчиво поспрашивает знакомого.

Блин, заварка кончилась. Уже почти два года, как развелся с женой, а все никак не могу привыкнуть, что нужно самостоятельно заботиться о наличии продуктов. Ладно, обойдусь кофе. Ого! Время-то уже сколько! Можно и позавтракать. Хорошо, хоть яйца в холодильнике есть.

В начале девятого запиликал телефон.

– Доброго утра, шеф, – приветствовал из трубки жизнерадостный голос Игоря. – Какие планы на сегодня?

– Планы грандиозные. Подъезжай ко мне, ознакомлю.

Через четверть часа Игорь уже вникал в предстоящий ремонт моего жилища.

– Ничего грандиозного не надо, – объяснял я. – Все должно быть быстро, но качественно. Сам понимаешь, квартира однокомнатная.

– Да все понятно, Олег. Сегодня пришлю Катерину, чтобы подсчитала чего и сколько. А завтра начнем. Думаю, через неделю все будет чики-пики.

Я отдал Игорю запасные ключи от квартиры, чтобы ремонт не зависел от моего присутствия, и мы спустились во двор. Утро выдалось не по-весеннему хмурое. Моросящая с неба сырость, которую и дождем то нельзя назвать, напоминала скорее об осени. И лишь проклюнувшаяся из почек яркая зелень молодых листочков говорила о настоящем времени года.

– Такая погодка стояла солнечная, и на тебе, – сетовал Игорь. – Только вечером машину помыл.

Почему-то все водители перед дождем моют машины. Видать, у них это вроде инстинкта. У ревматиков перед дождем кости ломит, а водителей тянет машину мыть.

До обеда решал кое-какие вопросы с новым клиентом, потому мысли о свалившихся проблемах были отодвинуты подальше. И только озабоченное лицо Василича, встретившего меня в мастерских, напомнило о неприятностях. По осунувшемуся лицу понятно, что гложут старика нехорошие думки. Оно и понятно. На старости лет хотят выселить из дома, в котором прожил всю жизнь. Уроды. И хапают, и хапают... И все им мало, и мало. Хрен с ним, с подземельем, но если тронут Василича... А что я смогу сделать?... Не знаю, но уверен, что сделаю все, чтобы мало им не показалось.

Поговорили о текущих делах, связанных с ремонтом. Помолчали. Я спросил:

– Что соседи-то говорят?

Василич понимает о чем вопрос.

– Разное. В основном обсуждают сумму, хватит ли, чтобы квартиру купить. Семен предлагает требовать, чтобы не деньгами, а сразу квартирами отдали. Размечтался.

– Ну, а ты что думаешь?

– А я не думаю. Я в этом доме родился, в нем и помру, – в его лице отобразилось злое отчаянье. Старик подошел к циркулярке, включил ее и начал сосредоточенно нарезать какие-то брусочки.

Оставив Василича думать свою безрадостную думку, прохожу в кабинет и набираю на мобильнике Володькин номер.

– Привет, Вовчик. Как поживаешь?

– Нормально поживаю. Не жалуюсь. А у тебя какие-то проблемы?

– С чего ты взял? – Удивляюсь я.

– Да голос у тебя даже озабоченный.

– Да есть маленько, – приходится признаться. – Надо бы встретиться. Есть один вопросик к тебе.

– Не проблема. Подъезжай хоть сейчас.

– Щас буду, – и, не теряя времени, вызываю такси.

Офис Вовкиной фирмы «Пластиковые окна для Вас» находится в районе новостроек, на другом конце города. Место для подобного бизнеса весьма прибыльное.

Взбежав по порожкам, минуя, поздоровавшись, помещение с менеджерами, и застаю Володьку за изучением каталога новых строительных материалов. Без лишних предисловий ввожу его в курс дела.

– Да-а. Круто ты попал на тиви, – протягивает Володька. – Есть у меня в администрации хороший знакомый. Но помочь он вряд ли сможет. Скорее всего, даже и не захочет. С этими Сараевыми связываться, себе дороже выйдет. И угораздило же тебя вложиться в эти мастерские...

Разглагольствовать он мог долго, поэтому я перебил:

– погоди. Ты не понял. Единственная помощь, которая мне нужна – это информация. Хочу узнать все, что возможно, про этих толстунов. И не обязательно посвящать твоего знакомого в суть проблемы. Даже, желательно не посвящать. Просто надо выяснить все, что ему о них известно. Понимаешь?

Володька встал. Его губы смешно сложились в трубочку. Насвистывая что-то немелодичное, он принялся мерить кабинет шагами.

– И что тебе даст эта информация? – Наконец остановился он.

– Пока не знаю. Но что-то делать надо. Не сидеть же, как ожидающий своей участи кролик в клетке. Так ты поможешь?

Володькина нога зацепила за ножку стоявший у стены стул, перетащив его ближе ко мне.

– Слушай, – заговорил он, плюхнувшись на стул. – Может, забьешь на эти свои мастерские? А? Ну, вывези все, что можно. Потом распродашь. Или новое здание приобретешь. Построишь, в конце концов. У тебя же есть основное дело. Не бедствуешь ведь. А?

Поднимаюсь и кладу руку ему на плечо.

– Ты поможешь добыть информацию?

– Да помогу я, – Володька отчаянно махнул рукой. – Куда от тебя денешься. Сегодня вечером приглашу его на нарды с пивом. Выпытаю, что смогу.

– Я знал, что ты настоящий друг!

Возвращаясь домой, замечаю у подъезда знакомую «ниву». Дверь в квартиру оказывается незапертой. Вхожу и слышу громкий голос Катерины:

– Ну, вроде все. Завтра сама займусь этой берлогой. Возьму кого-нибудь из девчонок, и с утра приступим.

Катерина, старшая среди женщин-отделочниц, работающих в бригаде Игоря. Игорь шутя называл ее своим замом. Лет ей на вид около тридцати. Ни лицом, ни фигурой бог ее не обидел, и даже как-то странно, что с такими внешними данными она трудилась на стройке.

– О! А вот и сам пожаловал. Здрасьте, – заметила меня Катерина. – Ладно, давай ключи от квартиры, да я пойду, – сказала она, обращаясь к показавшемуся из комнаты Игорю.

– И сантехников с утра пришлите, чтобы они нас не задерживали, – раздался ее крик из-за почти захлопнувшейся входной двери.

Вот шустрая бабенка. Я даже ответить на приветствие не успел.

– Смотрю, дело движется, – киваю на груды каких-то банок, мешков, коробок.

– Завтра еще обои подвезу и сантехнику новую. Ну, а с мастерскими что-нибудь решилось? – Игорь вопросительно уставился на меня.

– Пока ничего. Слушай. Давай-ка соберем кое-какие вещи да переберусь я туда на время ремонта. А что? Я рыбка неприхотливая. Было бы, где переночевать.

Собрался в считанные минуты. Из кладовки извлеклась старая раскладушка. К ней прибавились пакет с туалетными принадлежностями и сумка с бельем постельным и нательным. Достал из холодильника коробку с остатком сырых яиц. Вроде все. Хотя нет. Без телевизора обойдусь, а вот ноутбук прихватить надо. Теперь точно все.

Василич встретил нас удивленным взглядом.

– Чего это вы раскладушку привезли? Али кто жить сюда перебирается?

Узнав, что не ошибся, предложил мне обосноваться у него. Мол, места у него достаточно, и нечего тут бичевать.

– Спасибо, Василич. Но мне, может, хочется побичевать, экзотики, может, захотелось, – усмехнулся я в ответ. – Да и надо же кабинет обживать. Ну и что, что там кроме полов, ничего нет. Вот раскладушка теперь будет.

– Хозяин – барин, – пожал плечами Василич. – Приходи тогда хоть харчеваться, если что.

– Если что, приду, – пообещал я.

Игорь, попрощавшись, уехал. Василич тоже отправился домой. Я растянулся на раскладушке и, наблюдая за прыгающим по оконному отливу воробьем, незаметно провалился в сон.

– Дядь Олег, дядь Олег, – открываю глаза и вижу стоящего надо мной Артема. – Дед ужинать зовет.

Эх! Давно я не едал такой знатной снеди. Жареная на сальце картошечка, квашеная капуста, хрустящие маринованные огурчики... Ммм... И стаканчик домашнего вина, для аппетита.

– Ой, спасибо, Василич! Вот это я налопался! – поглаживаю себя по животу

– Лишь бы на здоровье, – отвечает старик. – Может, все-таки здесь переночуешь?

– Не, – поднимаюсь из-за стола. – Еще раз спасибо, но меня там ждет раскладушка и ноутбук.

Я понимаю, что он хочет поговорить о свалившейся проблеме, но что я могу ему сказать?

– Все будет в порядке, Василич, не переживай, – говорю, пожимая на прощанье руку.

– Дай то бог...

Сытость никогда не располагала к каким-либо действиям. Вот и сейчас, после обильного ужина, я бросил тело на раскладушку и отдался во власть ленивой дремы. Вывел из этого сладостного состояния ветер, бьющий в окно усилившимся дождем. Реальность вернула беспокойство. Встаю и, не включая свет, брожу по мастерским. Почти все было готово к запуску мастерских. Немало вложено средств и сил. Неужели придется все свернуть?

Подхожу к тому месту, где под листом ДСП скрыт люк. Некоторое время обдумываю родившуюся вдруг идею о том, как провести ночь. Наконец, решившись, отправляюсь на поиски шуруповерта. Спустя четверть часа выкручен последний саморез. Отдвигаю ДСП, освобождая люк.

Подземелье встречает привычной тишиной. Подвешенная на цепях плита пуста.

Зарешеченные проемы равнодушно смотрят непроницаемо-черными глазницами, не желая выдавать своей тайны. Подхожу к одному из них и решительно вдавливаю ладонь в слабо выделенный квадрат на стене... И ничего. Решетка не реагирует. А я-то был уверен, что этот квадрат является ключом. Снова пытаюсь нажимать на него. Давлю в центр, потом отдельно на каждый угол, на каждую сторону – безрезультатно. Обследую стену вокруг решетки, пытаюсь найти еще какой-нибудь секретный знак. Тоже напрасно, кругом сплошной монолит, за исключением уже обнаруженного квадрата. Перехожу к следующей решетке. Результат тот же. В задумчивости машинально берусь за решетку. Пальцы с той стороны металлического прута погружаются во тьму. Осознав это, не спешу отдернуть руку, пытаюсь понять ощущения. А

ощущения таковы, будто пальцы пригревает солнечными лучами. Отпускаю решетку и медленно погружаю во тьму кисть целиком. Тепло обволакивает руку. В голове возникает мысль, более похожая на постороннее внушение, что мне пока нет нужды прикасаться к этой приятной тьме. Да, именно так – нет нужды... Интересно, что за нужда поможет мне узнать скрываемую во тьме тайну?

Утром просыпаюсь от веселого чириканья. День начинается с безоблачным небом и обещает быть по-летнему жарким. О вчерашней непогоде напоминают лишь лужи, в которых весело купаются суетливые воробьи. Открываю окно, вспугнув воробьев. Они опускаются серым облачком на ближайшую березку и что-то мне сердито чирикают, стараясь перекрыть друг друга. Грудь наполняет не по-городскому чистый воздух. Хорошо-то как!

Из-за дверей, выходящих в цех, доносится свист дрели. Василич уже трудится.

– Ну и здоров ты спать, я погляжу, – встречает меня с улыбкой старик. – Завтрак остыл уже, – и он указывает на верстак, на котором находится нечто, накрытое полотенцем, а рядом стоит электрический чайник.

Улыбка Василича еще больше поднимает мне настроение, укрепляя веру в благоприятный исход решения проблем.

– Вот спасибо, Василич! Ты мне прям как мать родная. Я так привыкну и останусь тут навсегда.

Старик хитро хмыкает, а я отправляюсь в санузел мыться-бриться.

День проходит в обычной суете. Лишь ближе к вечеру звонит Володька, сетует на то, что из-за меня вчера накушался изрядно, выведывая у своего знакомого из администрации сведения о наехавших на меня толстяках.

– Короче, – подытожил он, – с тебя лекарство в виде пары баклажек пива. К шести я разберусь с делами и жду тебя в офисе.

Ровно в шесть две большие стеклянные кружки, извлеченные из Вовкиного стола, были наполнены пивом и с глухим стуком столкнулись друг с другом.

– Ну, шоб тебе полегчало, – говорю я импровизированный тост. Делаю глоток, наблюдая, как приятель жадно ополовинивает свой бокал, и требую: – Ну, не томи. Рассказывай.

– Собсна, немного я и узнал, – Володька отхлебывает еще пива и блаженно откидывается на спинку кресла. – Серый сперва вообще про них ничего говорить не хотел. Пришлось к пиву присовокупить водочку, будь она неладна. В общем, слушай, что удалось узнать.

Эти братцы, через подставных лиц, уже завладели половиной города. В том числе и всеми тремя рынками. Помнишь, когда Центральный рынок выгорел почти весь? Так вот, перед этим они обратились к его владельцу с предложением продать рынок им. Продать за смехотворную сумму. Тот, естественно, послал их куда подальше. А через несколько дней случился пожар. Несколько человек погибло. Как и что было дальше, не знаю, но только рынок теперь принадлежит Сараевым, а бывший хозяин мотает срок за преступную халатность, или что-то вроде этого. Вот такие, брат, у них методы.

– Так вроде говорили, что рынок черные спалили?

– А в этом еще одна их особенность. Какие делишки ни обстряпывают эти хапуги, по городу обязательно распространяется слух, что это дело рук черномазых. Вот такие вот дела. И еще вроде как у них много на кого компромат имеется. Потому и сидят они в администрации надежно.

Помолчали. Я размышлял над тем, что дала мне эта информация. А что дала? Да только уверенность в том, что обоюдовыгодно проблема не решится.

– Да, – встрепенулся Володька. – А помнишь, осенью какая-то пьянь на мерине въехала в толпу на остановке? Так вот, это был сынок одного из Сараевых. И как ты думаешь, что ему за это было? А нифига! Папа отправил сынулю учиться в Англию, а дело то ли замяли, то

ли затормозили, в связи с недостаточностью улики. Прикинь, три человека погибли на месте, еще несколько попали в больницу. Кто-то из них наверняка останется инвалидом. А им улика недостаточно! Твари!

Снова молча пьем пиво

– Вот я и говорю, – опять начинает Володька. – В нашем городе затевать какое-то серьезное предприятие опасно. Проглотят и не подавятся.

– Не знаю, не знаю. Не хочу чувствовать себя в родном городе торчком бесправным, – употребляю я армейский сленг. – А потому сделаю все, чтобы подавились.

– Ну-ну...

Прощавшись с приятелем, брожу по городу. В голове начинает созревать кое-какой план. План сумасшедший. Ну а что делать? Оно и вся моя жизнь последний год не совсем нормальная.

Когда на город опускаются сумерки, ловлю такси и еду в район элитных коттеджей, называемый Березовой Рощей. Не раз приходилось выполнять заказы по отделке в тех краях, а потому я знаю, где находятся дома некоторых городских шишек. Сейчас моя цель – дом прокурора города. Сопровождаемый лаем собак, прохожу по улице мимо его дома. Высокий трехметровый забор из красного кирпича сверху обрамлен частоколом из кованых пик. Из-за огромных черных ворот, скалящихся львиными мордами, доносится басовито-хриплый лай какой-то здоровой псины. Здание, которое высится за забором, назвать коттеджем можно, лишь обладая чувством юмора извращенного сатирика, способного назвать карьерный самосвал «Запорожцем». И вообще, оглядывая соседние постройки, кто придумал назвать это скопление замков коттеджным поселком?

Улица упирается в лесок, который окружает весь этот район. Углубляюсь в него и, обойдя дома с другой стороны, подхожу к нужному мне строению. С этой стороны такой же забор, увенчанный пиками. Деревья вырублены на расстоянии трех метров от забора.

Выхожу из леса около полуночи. Вызываю по мобильнику такси и, уже расплачиваясь, понимаю, что приехал не в мастерские, а на квартиру. Наверное, задумавшись, машинально назвал этот адрес. Ну и ладно, надо же зайти посмотреть, что сделали за день.

Открыв дверь, сразу ощущаю чье-то присутствие. Судя по доносящемуся из комнаты ровному дыханию, там кто-то спит. А стоящие в коридоре туфли говорят, что этот кто-то женщина. Интересно-интересно. Не включая свет, бесшумно пробираюсь в комнату. На диване, подложив руки под голову, спит Катерина. Интересно, интересно. До чего же ангельское выражение на лице спящей женщины. Что же заставило ее заночевать в моей берлоге? Катерина глубоко вздыхает, причмокивает, розовый язычок облизывает чувственные губы. Подавляя возникшее желание, тихонько разворачиваюсь и возвращаюсь в коридор. Аккуратно замыкаю за собой дверь и, набирая номер такси, спускаюсь вниз.

На следующий день образ спящей Катерины не дает мне покоя. Поэтому, разобравшись с вопросами на объектах, направляюсь якобы посмотреть, как идут дела с ремонтом в собственной квартире. Выйдя из лифта, достаю ключ, но подумав, нажимаю кнопку звонка. Дверь открывает Катерина.

– Здрасьти, – девушка отступает в сторону, давая мне пройти.

– Привет. Как движется работа? Есть какие проблемы?

Осматриваюсь. Две девушки раскладывают на полу комнаты обои, подбирая узор. Заметив меня, смущенно здороваются.

– Никаких проблем, Олег Юрьич, – поправляя выбившуюся из-под бейсболки рыжую прядь, отвечает Катерина. – Потолок в комнате уже покрасили. Если успеем поклеить обои, то завтра займемся кухней.

Проходим на кухню, и она начинает объяснять, как и что планируется здесь сделать. Слушаю рассеянно, больше разглядывая ее, чем вникая в суть излагаемого ею. Почему я раньше не обращал на нее внимания? Замужем ли она? Если замужем, то почему ночевала здесь? Может, у нее какие проблемы? Надо узнать.

– Олег Юрьич! Вы слушаете меня? И что вы так на меня смотрите? – возвращает меня к реальности голос Катерины.

– А мне приятно смотреть на красивую женщину. Сразу настроение лучше становится.

Замечаю, как нежные щечки заливают румянец. Девушка сердито хмурит брови, пытаюсь скрыть смущение.

– Да ну вас. Всем бы вам только смотреть...

Интересно, что она хочет этим сказать? Ну да ладно. Беру ее за руку.

– Катерина, я полностью вам доверяю и полагаюсь на ваш вкус. И торжественно обещаю, что по окончании ремонта в этой берлоге приглашу вас на ужин в ресторан.

Вижу, что моя речь окончательно сбила ее с толку. Она смотрит на меня, хлопая ресницами, явно соображая, что ответить.

– Да. И еще... В общем, если будут какие-нибудь проблемы... – тут уже начинаю смущаться я. – Ну, не только по работе, а вообще... Короче, если что, обращайтесь.

Удаляюсь, провожаемый недоумевающим взглядом.

У подъезда сталкиваюсь с Игорем.

– О! Олег! А я вот решил заехать, проконтролировать.

– А что, Катерине не доверяешь?

– Доверяю, как самому себе. Но, думаю, вдруг позвонишь, спросишь, как дела движутся, а я не в курсе.

– Слушай, – опускаюсь на лавочку и жестом приглашаю присесть Игоря. – Что если Катерине сделать отдельную женскую бригаду? Как считаешь, потянет?

– Да я давно хотел предложить разделиться. Девки и так слушаются только ее. Мне только головная боль с ними.

– Ну, вот и хорошо. Ты тогда с ней это дело обговори. О результатах мне сообщите. Да, кстати, – начинаю подводить разговор к интересующей меня теме, – а она замужем?

– А чего это ты интересуешься? – хитро прищуривается Игорь. Но, замечая выражение моего лица, тут же снимает свой вопрос. – Да ладно-ладно. Развелась она недавно. Обычная история. Муж алкоголик, нигде не работает и все такое. Соседи они мои. Но Катька уже месяца два как переехала к матери в какой-то пригородный поселок. Катька, кстати, раньше в институте преподавала, в аспирантуре училась. Но потом нужда заставила поменять профессию.

– Ясно.

Вечер провел в подготовке к осуществлению родившегося вчера авантюрного плана. Из десятимиллиметровой арматуры согнул что-то вроде небольшого якоря. Якорь прикрепил к тонкому капроновому буксировочному тросу, позаимствованному у Игоря. Одна снасть готова. Хорошо, что Василич где-то отсутствует – не будет лишних вопросов. Далее отпиливаю кусок толстой фанеры, примерно полметра на двадцать сантиметров, прикрепляю вдоль два бруска, так, чтобы между ними осталась щель миллиметров в двадцать. Придельваю к получившемуся изделию ремешок, чтобы удобно было носить за спиной. Вот и все готово. Осталось дожидаться назначенного часа.

Пужинал, как уже повелось, у заботливого Василича. Оставшееся время просидел за ноутбуком, исследуя просторы Интернета.

Ровно в час ночи позвонил Игорь. Закидывая фанерную площадку за спину, беру пакет с тросом и выхожу. За воротами, подсвечивая габаритами, ожидает «нива». Игорь молча наблюдает, как я усаживаюсь, и, повернув ключ зажигания, выворачивает руль в сторону дороги.

Едем молча. Днем я попросил его помочь, но предупредил, чтобы он ни о чем не спрашивал. Парень согласился, но было видно, что его буквально раздирает любопытство. Когда доезжаем до места, он не выдерживает.

– Может, все-таки нужна помощь? А?

– Нет, Игореха, это мое дело, – и прежде, чем покинуть салон, уточняю: – Возвращайся в город и жди. Как позвоню, так через двадцать минут подъезжай к этому месту. Если планы изменятся, тогда перезвоню еще раз. Все.

Углубляюсь в лес. Прошлогодня листва, кое-где проткнутая свежей порослью, мягко прогибается под ногами. На открытых полянках зеленеют в лунном свете целые островки молодой травы. Полная луна, наблюдающая за мной сквозь ветви, придает моей авантюре оттенок мистицизма.

Голова уже привычно переполняется вопросами. Что толкнуло меня на этот безумный шаг? Почему нельзя было записаться к нему на прием и попробовать решить вопрос более цивилизованно? И тут же отметаю все сомнения. Ясно же, что с людьми, отгородившимися такими заборами, по-хорошему договориться не получится. А значит, нужно отбросить дипломатию и действовать их же методами.

Вот и нужный мне заборчик. У соседей, похоже, вечеринка – звучит музыка, доносятся громкие голоса. Мне это только на руку, если что, никто не обратит внимания на случайный шум.

Ну что, пора вспомнить армейские навыки. Самодельный якорь, звякнув, надежно цепляется за пики. Трос слишком тонкий, а навязать узлов я не догадался, поэтому, чтобы не скользил, приходится обматывать вокруг ладони, прежде чем подтянуться. Но забор не так уж и высок. Вот уже цепляюсь руками за пики, подтягиваюсь. Правой рукой снимаю из-за спины фанерную приспособу и насаживаю ее промежутком между брусками на острия пик. Перевалочная площадка готова. Усаживаюсь на получившийся насест и, оглядываясь, перебрасываю трос во двор. А где, интересно, собачка? Ведь гавкал же кто-то из-за ворот в прошлую мою экскурсию. Ага, вот она несется. Здоровый азиат, злобно рыча, приближается огромными прыжками с той стороны, где из-за забора доносится шум соседской вечеринки. Ну что ж, песик, познакомимся. А заодно оценим приобретенные мною неизвестно как таланты. Я рыкнул, чувствуя пробуждающуюся во мне силу, и скользнул вниз.

– Ну, здравствуй, мой маленький, – с кровожадной ухмылкой шагаю навстречу азиату.

Если бы у него вместо лап были колеса, то сейчас наверняка послышалось бы душераздирающее визжание тормозов. Пес засеменял, жалобно скуля и пытаясь поджать хвост. Но так как хвост ему купировали еще в раннем возрасте, то за отсутствием одного бедняга ухитрился поджимать весь зад, скрутившись при этом, как улитка. Мне почему-то даже стало его жалко.

– Ладно, успокойся. Не буду я тебя убивать, – протягиваю руку и треплю азиата за короткие, тоже купированные уши. Пес, задирая голову, лижет мне запястье и, судя по намокающей под ним траве, писается.

Прокурорский дом погружен в сон. Во всяком случае, ни одно окно не светится. Обхожу вокруг и замечаю открытую балконную дверь на втором этаже. Попасть в дом через парадный вход вряд ли удастся, ибо двери наверняка заперты. Поэтому открытая дверь на балкон как нельзя кстати. Остается только попасть на сам балкон. Сопровождаемый пытающимся всячески выказать свою преданность псом, обследую двор. Под навесом, рядом с поленницей дубовых дров для бани, нахожу то, что искал – алюминиевую лестницу. Во всех частных дворах, где мне приходилось бывать, обязательно за каким-нибудь сараем или под забором лежит либо деревянная, либо металлическая лестница. Прокурорский двор не был исключением.

В комнате, в которую попадаю через балкон, спит, пуская слюни на подушку, юная толстуха. Наверняка прокурорская дочка. Очень аккуратно – еще не хватало разбудить эту жертву благополучной жизни – пробираюсь мимо кровати и, протиснувшись в приоткрытую дверь,

оказываюсь в просторном коридоре. Стены без всякого вкуса увешаны различными картинами, чеканками, масками и всякой прочей ерундой, никак не гармонирующей друг с другом. Справа коридор оканчивается лестничным маршем, ведущим вниз. Слева выход в зимний сад, уставленный кадками с экзотическими растениями. Из-за дверей напротив доносится басовитый храп. Думаю, этот ночной певец мне и нужен.

Вдруг замечаю, как начинает опускаться дверная ручка, и спешу вновь скрыться в дочуркиной комнате. Вот те на! В коридор, на ходу запахивая халат, выходит глава местной прокуратуры Геннадий Дмитриевич Скобин собственной персоной. А кто же тогда продолжает храпеть?! Фигура прокурора бесшумно – толстый ворс ковролина скрадывает звук шагов – удаляется в сторону зимнего сада и скрывается за последней дверью. Оттуда доносится характерное журчание. Любопытство толкает меня в открытую дверь спальни напротив. Опа! Оказывается, храпит полная женщина, разметавшаяся в позе морской звезды по кровати. Несмотря на то, что кровать довольно большая, места для муженька практически не остается. Доносится урчание смываемого унитаза. Выскальзываю из спальни и спешу на встречу с хозяином.

Сполоснув руки, прокурор вытирает их о висящее рядом с умывальником полотенце. Увидев меня, его полузакрытые сонные глаза вмиг расширяются, пытаюсь вылезти из орбит от удивления.

– Т-ты кто?

– Я солнечный лучик, заблудившийся в ночи. Не подскажите, как пройти в библиотеку? – Произнеся этот неоригинальный экспромт, резким ударом под ребра выбиваю из блюстителя закона дыхание.

Оглядываю уборную. Обстановка явно не располагает к душевной беседе. Да и мало ли кому еще приспичит посетить это место. Отстегиваю от пояса бобину с упаковочным скотчем. Несколько секунд, и прокурорский рот залеплен, а руки надежно смотаны за спиной. Похоже, дыхание у него восстанавливается, и он начинает что-то мычать. Шлепаю его по затылку и показываю кулак. Приняв аргументы, Геннадий Дмитрич замолкает. Беру его за шкирку и проталкиваю в зимний сад. Здесь обнаруживается лестница, ведущая на верхний, мансардный этаж. Поднимаемся по ней и оказываемся в просторном зале, посередине которого расположен бильярдный стол. Оглядываю обстановку. Красиво живут блюстителю закона, однако. Толкаю прокурора в плетеное кресло, сдираю скотч с его рта, усаживаюсь напротив.

– Ну, здравствуй, Геннадий Дмитрич, – произношу, глядя в его глаза, выражающие полное недоумение, смешанное со страхом. – Значит, как пройти в библиотеку, ты не знаешь?

– Что тебе нужно? – наконец совладал с собой мой пленник.

– Ну что ж. Если ты не желаешь предложить мне что-нибудь выпить, можно перейти прямо к делу. Нужно мне всего лишь, чтобы прокуратура начала наконец заниматься своими непосредственными обязанностями. А именно, привлекала преступников к ответственности.

– Мне бы хотелось услышать более конкретные требования, – прокурор, похоже, окончательно пришел в себя и начинал проявлять похвальную выдержку.

– Нам, – я сделал ударение на слово «нам», чтобы у собеседника создалось впечатление, что за мной стоит некая группа людей, – нам необходимо, чтобы твое ведомство как следует поджарило задницы братьям Сараевым. И чтобы долго тебя не уговаривать, я уполномочен заявить, что на кон выставлены жизни всего твоего семейства.

Минуту прокурор переваривал услышанное, потом задал вполне резонный вопрос:

– Кого вы представляете?

Его обращение ко мне на «вы», говорило о том, что мой спектакль удался, и прокурор поверил в реальность некой силы, стоявшей за мной.

– Неважно, – встаю из кресла и, склоняясь над ним, тихо, но внушительно, продолжаю. – Для тебя, Гена, важно поверить, что от тех, кого я представляю, зависит твоя жизнь.

– Что я должен предъявить Сараевым?

– Ха! Да все, что у прокуратуры на них есть. Ты же не будешь утверждать, что не имеешь никакой информации о проделках этих толстунов? Раскрути дело о пожаре на центральном рынке. Выдай ордер на арест сынули, угробившего по пьяни невинных людей. Да что я тебя учу? В конце концов, кто из нас прокурор, ты или я?

Прохожу к большому аквариуму у противоположной стены, давая Геннадию Дмитричу время на раздумье. Всегда мечтал о таком огромном аквариуме. Но, к сожалению, в моей однушке маловато места. Да и стоит такое удовольствие наверняка недешево.

– Это нереально, – наконец произносит прокурор. – С их связями я лишусь своего кресла в тот же день, как заварю эту кашу.

– Не надо паниковать раньше времени, – я поворачиваюсь к прокурору. – Если бы ты не умел строить хитроумные комбинации, то не жил бы в таком особняке. Вот и пораскинь мозгами, как и рыбку съесть, и... Ну, ты понял. В любом случае, лучше лишиться кресла, чем головы.

– Что будет, если откажусь?

Наши взгляды встретились.

– Ну что ж. Тогда я убью все твоё семейство и отправлюсь к тому, кого поставят вместо тебя.

Смог бы я сделать это на самом деле? Ну, уж ему-то голову свернул бы.

– Смогу ли я рассчитывать на поддержку, в случае чего? – Прокурор заерзал в кресле. Связанные за спиной руки мешали усесться удобно, да и затекли уже наверняка.

– Все будет зависеть от твоего усердия, – снова беру бобину со скотчем и подхожу к нему. – Разговор окончен. Теперь ты должен сказать только «да» или «нет». Ну?

– Да! Вы не оставили мне выбора, – и торопливо добавил: – Руки теперь можно освободить? Затекли уже совсем.

– Извини, дорогой, – с этими словами я снова заклеил ему рот. – Я бы тебя освободил, но не могу нарушить инструкцию.

Сказав про загадочную инструкцию, направляюсь к лестнице. Уже спускаясь, снова обращаюсь к прокурору.

– Полчаса сиди на месте. Потом можешь обратиться к супруге, чтобы развязала.

Как только я, провожаемый преданным скулежом азиата, перемахнул забор в обратном направлении, в воздухе загрохотало, и окрестности озарились сиянием огней фейерверка. У прокурорских соседей веселье было в самом разгаре.

Сматываю трос и набираю номер Игоря. Далее следует неспешная прогулка по ночному лесу. Попутно забрасываю фанерную площадку на одно из деревьев. Она застревает в развилке ветвей. Если кто и найдет, то ни за что не догадается о назначении этого приспособления.

Интересно, Катерина сегодня снова ночует в моей квартире?

Середина мая погрузила город в по-настоящему летнюю жару. Народ переоделся в шорты и мини-юбки и ринулся на пляжи. Кто-то уже успел загореть до шоколадного оттенка и теперь выгодно контрастировал на фоне бледнокожих тел.

Я сижу на лавочке в своем любимом скверике и наслаждаюсь созерцанием стройных девичьих фигурок, снующих по тротуарам. Жду, когда позвонит Игорь. Сегодня должен закончиться ремонт в моей квартире. Можно, конечно, явиться и без звонка, но не хочу мешаться в последний момент. Да и приятно посидеть вот так, побездельничать под жаркими солнечными лучами.

После ночного визита к прокурору пока не последовало никакой реакции. Разве что никто не явился к Василичу и его соседям по поводу продажи домов. И то хорошо. Может, так и отстанут по-тихому. Но что-то слабо в это верится.

Час назад мы с Василичем закончили сборку шкафа для верхней одежды на месте люка, ведущего из моего кабинета в подвал. Это была идея Василича. Теперь, чтобы попасть вниз, нужно было открыть шкаф и откинуть его пол, служивший крышкой люка.

Фу ты, черт! Напугал мобильник, задребезжав вибровонком в нагрудном кармане рубашки.

– Можешь принимать работу, шеф! – весело сообщил из трубки голос Игоря.

– Через пять минут буду, подшефный.

Захожу в арку, ведущую в мой двор, и слышу, как следом въезжает какая-то машина. В душе рождается беспокойство. За спиной скрипят тормоза. Оглядываюсь. Зверь пытается вырваться наружу, но поздно. Получаю удар резиновой дубинкой по голове.

Прихожу в себя оттого, что кто-то выливает на меня холодную воду. Не открывая глаза, пытаюсь вспомнить, что произошло. Вспоминаю то, что из затормозившего рядом со мной джипа выскочил один из сараевских громил и врезал мне по голове дубинкой. А я-то радвался, что все тихо. Вот и получи реакцию.

– Эй, ты, урод, – кто-то пнул меня в бок, – просыпайся! На том свете выпишься.

Знакомый голос. Ну точно, открыв глаза, вижу над собой ухмыляющегося Влада. Того, с которым мне довелось познакомиться во время визита Сараевых в мастерские. Рядом с ним тот жлоб, что огрел меня дубинкой. Сам я, связанный, валяюсь на земляном полу. Находимся мы, судя по отсутствию окон, в подвале. Ага, узкая металлическая лестница спускается из небольшого проема в потолке.

– Очнулся, клоун, – Влад снова пинает меня. – Помнишь, что я обещал с тобой сделать?

Он ухватил меня за шкуру и посадил, уперев спиной о холодную стену. Гул в голове стих, и сразу пришло ощущение холодной уверенности и осознание силы. Наверное, благодаря удару по голове я понял, что зверь во мне есть часть меня. И его не надо сдерживать или выпускать. Надо просто быть им, быть самим собой...

Влад что-то говорит, тыча в меня пальцем. Но я его не слышу. Отталкиваясь от пола и, опираясь спиной о стену, поднимаюсь на ноги. Сараевский холуй с интересом наблюдает за моими движениями и, сказав что-то своему коллеге, резко бьет меня в живот. Но... его кулак врезается в бетонную стену. Зрачки бедолаги расширяются от боли, рот раскрывается в беззвучном крике. Оставив Влада наедине с искалеченной рукою, шагаю к его оторопевшему дружку и наношу удар ногой в пах. М-да... Похоже, перестарался. Парнишка подлетает на полметра и падает замертво. Надо впредь бить поаккуратнее, а то мало ли, может, кто живой пригодится. Ух ты! Когда это я успел порвать связывающие меня веревочки?

Поворачиваюсь к дважды оторопевшему, от боли и от произошедшего, Владу.

– Так что там ты обещал со мной сделать? – снисходительно хлопаю его по щеке, постепенно увеличивая силу шлепков, пока последняя оплеуха не отбрасывает его на какой-то стеллаж.

Сверху доносится звук подъехавшего автомобиля. Дважды хлопнули дверцы. Пара человек, переговариваясь и гулко топая, начали спускаться по металлической лестнице, ведущей в наш подвальчик.

– Эй, инквизиторы, встречай пиво! – Первый действительно держит перед собой ящик бутылочного пива. – Налетай, пока холодненькое... еп...

Доставщик пива сослепу, ибо глаза еще не привыкли к подвальному полумраку после яркого солнца, спотыкается о тело своего приятеля, вырубленного мною минуту назад. Пивные бутылки с веселым звоном крошатся друг об друга. Рухнувший сверху браток решает участь уцелевших сосудов, с хрустом давя пластмассовый ящик. Шагаю к нему и бью кулаком по затылку. Его тело безвольно затихает, накрыв то, что осталось от ящика. Запах разлившегося пива, смешавшись с затхлыми ароматами подвала, вызывает ассоциации, связанные с запахами общественного туалета.

– Чудило! Ты чо наделал?! – спешит по ступеням следующий товарищ и затихает, осев на порожек, нарвавшись грудью на мой кулак.

На всякий случай добавляю ему по макушке и возвращаюсь к Владу. Что-то тот затих, не переборщил ли я с оплеухой? Ага, живой гаденыш. Только щека опухла, и глаз заплаыл. Правая кисть тоже сильно опухла, видать, неслабо хотел меня приложить. Баюкает ее теперь, как грудного младенца. Пинаю его в живот и, пока он восстанавливает дыхание, взлетаю наверх по порожкам. Так и думал, мы находимся в гараже обычного гаражного кооператива. Перед воротами шелестит не заглушенным двигателем уже знакомый джип. Загоняю машину в гараж, хватаю свой мобильник, валяющийся на заднем сиденье, и, закрыв ворота, сбегая в подвал. Здесь за время моего отсутствия ничего не случилось. Все лежат там же, где и лежали. Можно спокойно оценить ситуацию. Трое быков вырублены. Причем один, вероятно, навсегда. И что интересно, этот факт не вызывает у меня никаких эмоций. Самый главный громила, растеряв свою былую самоуверенность, затравленно жметесь в углу. Ну что ж, у меня к нему есть немало интересных вопросов.

– Ну, давай, инквизитор, рассказывай, – обращаюсь к Владу и, заметив на стене у лестницы выключатель, гашу свет. Мне и так прекрасно видно, а на моего похитителя темнота произведет лишнее психологическое давление. Ну, или, по крайней мере, в темноте он воздержится от необдуманных телодвижений, если вдруг захочет погеройствовать.

– Тебе капец, сука, – шипит Владик и начинает орать от боли. Это я пинаю его по отбитой кисти. Он не видит в темноте и потому не знает, откуда ждать удар. Беру его за ухо и резко дергаю вверх.

– Если ты, сучонок, не скажешь, где в этом гараже лежат пассатижи, я оторву тебе ухо. Ну!

– А-а! – кричит незадачливый инквизитор от нового рывка и, совершенно сбитый с толку моим требованием, стонет. – Зачем тебе пассатижи, гад?

– Экий ты недогадливый. За что только Сараевы такому тугодуму деньги платят? – новый рывок уха, сопровождаемый новым вскриком. – А пассатижи мне нужны для того, чтобы выдергивать у тебя ногти, дорогой. Ведь иначе ты не расскажешь все, что меня интересует? Не так ли?

Отпускаю ухо и вновь пинаю по кисти. Снова вопль боли. Какой же я, однако, садист!

– Тварь! Урод! – уже плачет Влад, уткнувшись лбом в землю, прикрывая собой пострадавшую руку. – Что ты хочешь узнать? Спрашивай. Все равно тебе капец!

– Ну, капец так капец, – соглашаюсь я. – А узнать для начала хочу, почему и для чего я здесь оказался.

Покинул гараж в сумерках. Так как моя одежда была зверски испачкана, пришлось позаимствовать штаны и футболку у бычары, которого вырубил последним. Его шмотки оказались на несколько размеров больше, но выбора у меня не было. Около автобусной остановки уже стоит «нива», рядом прохаживается Игорь.

– Ну ты даешь, Олег! Ты куда пропал? – тут он замечает мой прикид. – Это чего это на тебе одето?

– Потом расскажу, поехали, – сажусь в машину, и тут где-то внутри гаражных рядов грохочет взрыв. Это огонь добрался до бензобака джипа, в котором сидят четыре тела. Хороший был автомобиль.

– Э-это что? – лопочет офигевший Игорь.

– Наверное, кто-то курил у бензобака. Садись, поехали, – подгоняю его. – У меня был трудный день.

– Так куда ты пропал? – уже в пути спрашивает Игорь.

– Случилась незапланированная встреча с Сараевскими братками. Помнишь тех, что заезжали на черном джипе?

– Помню. Это не они, случайно, курили у бензобака?

Молчу. Судя по взгляду, который бросил на меня Игорь, молчание было принято за утвердительный ответ. Ну что ж, думаю, пора рассказать парню о последних событиях. Тем более что мне уже надоело переваривать все в одиночку. Но сначала надо чем-нибудь набить желудок, а то что-то очень кушать хочется. Заскакиваем в магазин, набираем всяческой снеди и катим ко мне.

Как бы я ни был голоден, но все же сперва залез под душ. И лишь смыв с себя подвальную грязь, уселся за стол. Игорь к этому времени уже подготовил купленные продукты к употреблению и заварил чай. На ремонт в квартире я как-то не обратил внимания, если честно, не до ремонта.

Итак, помылись, наелись, теперь можно и побеседовать.

– Ну что, Игорек, ты уверен, что хочешь все знать?

– Хочу-хочу. Давай рассказывай, а то я умру от любопытства.

– Так слушай, любопытный...

И я рассказал ему все. Умолчал только об обнаруженных в подземном зале предметах, но в их реальности я сам не был до конца уверен. Наконец добрался в своем повествовании до сегодняшних событий.

– Вот прокурор урод, – возмутился Игорь, – сдал скотина.

– Не спеши с выводами. Сдала прокурорша.

– Это как это?

– Так это...

Как оказалось из рассказа Влада, жена прокурора была любовницей младшего Сараева. Благодаря ей братцы подослали спеца, который установил жучки как в рабочем кабинете муженька, так и дома в бильярдной. А в аквариуме, который там стоит, еще была вмонтирована хитроумная видеокамера. И жучки, и видеокамера настроены на голосовое включение. Каждый раз, после того как прокурор встречался в неофициальной обстановке с какими-либо людьми, супруга вынимала из цифрового записывающего устройства флешку и отправляла ее любовнику. Таким образом, местные серые кардиналы всегда были в курсе прокурорских дел. Вот и после той ночи, когда Скобин растолкал жену, мыча сквозь скотч и кивая ей на связанные тем же скотчем за спиной руки, она тоже сообразила отнести флешку на проверку. Так Сараевы и узнали о нашем ночном разговоре. И меня узнали, когда я подходил к аквариуму. Владу они тут же поручили слежку за мной, с целью выявления моих сообщников, а сами направились к Геннадию Дмитриевичу. Что они ему говорили, Влад знать не мог. Несколько дней слежки за мной не дали никаких результатов, и потому было принято решение о допросе с пристрастием. Со мной было приказано не церемониться, а после получения нужных сведений закопать в ближайшем лесу.

После того, что мне удалось выяснить у сараевского холуя, я понял, что войну можно считать объявленной. Ну что ж, война так война. Выбора мне не оставили.

– Да-а, – протянул Игорь после некоторого молчания. – Я про такое только в книжках читал. В тех, что печатают в мягких обложках и с кроваво-красными названиями на черном фоне. Что теперь делать думаешь?

– Для начала снова встретиться с прокурором. Хочется мне кое-что ему объяснить.

Увидев подъехавшую к прокуратуре служебную «Волгу» Скобина, выхожу из машины.

– Можешь пока ехать по своим делам, – обращаюсь к Игорю. – Нефиг здесь глаза мозолить. Как освобожусь – позвоню.

– Ага, пропадешь, как вчера, – буркнул тот, но двигатель завел.

Догоняю прокурора уже на порошках крыльца.

– Геннадий Дмитрич!

Оп-па. Бедняга смотрит на меня так, как будто увидел привидение.

– Что, не чаяли уже увидеть? – улыбаюсь ему как можно доброжелательнее. – Нам необходимо кое-что выяснить. В обоюдных, так сказать, интересах.

Похоже, моя улыбка не произвела на него должного впечатления. Во всяком случае, ответной улыбки не последовало. Ну, в обморок не грохнулся, и то хорошо.

– Пройдемте ко мне, – буркнул Геннадий Дмитриевич с таким выражением, как будто у него резко заболели все зубы.

– Ваш кабинет, стараниями Сараевых, нашпигован жучками, – сообщаю я. – Впрочем, если вы все равно собираетесь донести им о нашем разговоре, то меня это не смущает.

Теперь в обращенном на меня прокурорском взгляде начинаю замечать интерес.

– Откуда информация про жучки? – тон становится деловым.

– От четырех обгоревших трупов, – решаю играть в открытую. Наверняка ему уже известно про взрыв в гаражном кооперативе. Показываю взглядом на лавочку в небольшой каштановой аллее, белеющей пирамидками соцветий, Скобин слегка кивает, и мы спускаемся с крыльца.

– Я вас слушаю, – заявляет прокурор, вальяжно откинувшись на спинку лавочки.

– Нет уж. Для начала я выслушаю вас. Почему вы не выполняете обещанного?

Лицо прокурора вновь искажается, как от зубной боли. Он некоторое время молчит, тербя кончик галстука, хорошо, хоть не жует, как некий грузинский лидер. Наконец, глядя на меня так, как смотрят только на врагов, начинает говорить.

– Я той ночью нажрался, как скотина, и отключился. Ближе к полудню меня растолкали Сараевы. Им откуда-то было все известно. Они сказали, чтобы я забыл о ночном событии, как о дурном сне. Мол, сами все уладят. А уходя, намекнули, что в противном случае мне не поздоровится. Ну и что я должен был делать? Они – вот они. У них здесь все схвачено. Любого в порошок сотрут. Они и мэров-то сажают как марионеток, обвиняя предшественников во всех творимых ими же бедах. А вы появились всего один раз ... действительно, как страшный сон...

Скобин замолчал, уставившись куда-то себе под ноги. Ну что ж, дружок, держись. Сейчас ты узнаешь, кто снабжает информацией Сараевых. И я рассказал все услышанное в подвале гаража.

– Тварь! – выдавил сквозь зубы Геннадий Дмитриевич, и я сразу понял, кто имелся в виду. Затем он позвонил кому-то и распорядился немедленно проверить его автомобиль на предмет нахождения в нем жучков.

– Вы извините, я должен решить кое-какие личные вопросы, после чего немедленно займусь нашим делом, – он сделал ударение на слово «нашим», давая понять, что теперь на моей стороне.

– Здесь мой телефон, – я протянул ему визитку. В ответ он достал свою, после чего решительно встал и направился к машине. У «Волги» уже суетился какой-то парень в наушниках и с непонятной штуковиной в руках.

Игорь так и не уехал. Только отогнал «ниву» от здания прокуратуры и остановился на обочине.

– Катерина звонила, – сообщает он, когда я сажусь в машину, – интересовалась, доволен ли шеф ремонтом. Я сказал, что доволен. Или нет?

– Е-мое! – вырывается у меня. – Я же обещал Катерине ужин в ресторане по окончании ремонта...

М-да, я, кажется, сказал это вслух и тем самым вызвал заинтересованный взгляд Игоря.

– Только Катерине? – ехидно спрашивает он. – Ремонтом, между прочим, я руководил.

Ну что сказать этому обормоту?

– Предпочитаю ходить в ресторан в женской компании. Кстати, где у нас в городе можно прилично посидеть? А то я уже лет десять не посещал подобные заведения.

– Тут, понимаешь, все зависит от того, как именно ты хочешь посидеть, – далее следует словесный экскурс по тем местам, с которыми Игорь был знаком лично. Слушая его вполуха, соображаю, под каким предлогом мне случайно встретиться с Катериной, чтобы, опять же случайно, вспомнить об обещании пригласить ее в ресторан.

– Так, ладно, – прерываю знатока значных мест, – ты говорил с Катериной насчет того, чтобы она возглавила отдельную женскую бригаду?

– Говорил. Она не против. Да по сути, ее бригада и так давно уже отдельная, ибо слушаются девки только ее.

– Ну и хорошо. Вот только тебе все равно придется шефствовать над ними. К примеру, доставку материала организовывать, и все такое прочее.

– А это уже если буду успевать, шеф.

– Будешь, – хлопаю его по плечу, – если все будет нормально, то придется тебе успевать на три бригады. Так что, бригадир, подыскивай себе замену. Будем из тебя начальника делать.

– Не понял...

– Потом поймешь. Заводи, поехали в мастерские.

Честно говоря, идея поставить Игоря руководить всеми бригадами возникла только что. Что-то охладел я последнее время к этому делу. Скучно как-то стало заниматься ремонтами. Вот и решил свалить все на парня. Думаю, справится. Смотрю на его физиономию. Сосредоточенная. Видно, как мозги шевелятся, перемалывают только что услышанное.

– Игорь, – прерываю его раздумья вновь родившейся идеей, – я вот что думаю. Надо бы бытовку и кабинет в мастерских в божеский вид привести. А потому поручаю тебе, как появится окно в работе, приобщить к этому делу Катерину с девчатами. Считай это экзаменом на начальника. Понял?

– На начальника чего? – прищуривает глаз Игорь.

– На начальника чего хочешь. Управления, например. Выбирай сам.

– Может, ты просто ищешь повод увидеть Катерину?

– Да пошел ты...

На этот раз Геннадий Дмитриевич Скобин сдержал свое слово. Сделал даже больше, чем я ожидал. Он собрал пресс-конференцию и выступил с обвинениями против братьев Сараевых, предоставив массу доказательств. Естественно, большинство местных СМИ не решилось сходу обнародовать эту информацию. Но после того, как выступление прокурора было показано по одному из каналов ТВ, местные радиостанции также стали вставлять в ежечасные выпуски новостей сперва краткие упоминания, а потом и более подробные отчеты об этом событии. А в субботу информация появилась даже в некоторых местных многотиражках. Хоть и говорили, что все городские СМИ кормятся из рук администрации, но хитроумные редакторы старались держаться на острие событий, преподнося их чисто как информацию, без предпочтения той или иной стороны. Мол, вот прокурор города выдвинул обвинение в коррупции заместителю главы администрации по социальным вопросам и т.д. Сообщалось также, что дела переданы в областную прокуратуру. Ну, да и бог с ними. Я следил за всеми этими событиями краем глаза. Меня оставили в покое, и ладно. Своих дел полно.

Единственное, что меня заинтересовало в последней чехарде новостей, это сообщение о гибели в автомобильной катастрофе супруги прокурора... Хм, не справилась, видите ли, с управлением. И удачно так не справилась, сразу на следующий день после прокурорского заявления. И всем сразу ясно, что ее смерть – месть за наезд на Сараевых. Ох, и не прост же ты, Геннадий Дмитриевич...

Ни Игорь, ни Павел после последнего посещения подземелья ни разу не завели о нем разговор. Не до него было ребятам. Один постоянно мотался со мной, другому приходилось взваливать на себя обязанности друга, пока тот не подыскал себе замену. Я натаскивал Игоря в общении с клиентами, окончательно решив свалить на его молодые плечи ремонтно-отделочные заботы.

В мастерских ремонт был практически закончен. Василич уговорил вернуться одного из бывших столяров, и теперь они вдвоем трудились над первым заказом по реставрации старинного буфета.

Мне же в голову пришла новая идея фикс – захотелось облагородить двор мастерских. Прошел утром через ворота, и сразу как-то серо стало после уличной зелени. Не радовал глаз пыльный щебень, которым был засыпан двор. Лишь жалкие островки запыленной травы жались к стволам нескольких березок, растущих вокруг здания. Недолго думая, заказал по найденному в газете объявлению машину чернозема. К разбивке газонов привлек Артема. Пока занимались с ним разметкой, во двор въехала «нива».

– Доброе утро, Олег Юрьич! – слышу голос Катерины.

– Вот, привез оценить объем работ, – Игорек хитро улыбается, стоя позади нее.

– Здравствуйте, – отвечаю на приветствие. – Наконец-то я вас дождался. Надо бы навести марафет в моем скромном кабинете, а то с клиентами негде общаться.

– Показывайте. Посмотрим, – улыбается Катерина.

С трудом отрываю взгляд от ее чувственных губ.

– Вот еще что, – не спешу переходить к делу. – Мы тут решили газончики разбить, чтобы цветочки глаз радовали. Может, подскажете, как это лучше сделать? Все-таки женский взгляд для этого дела более практичный будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.